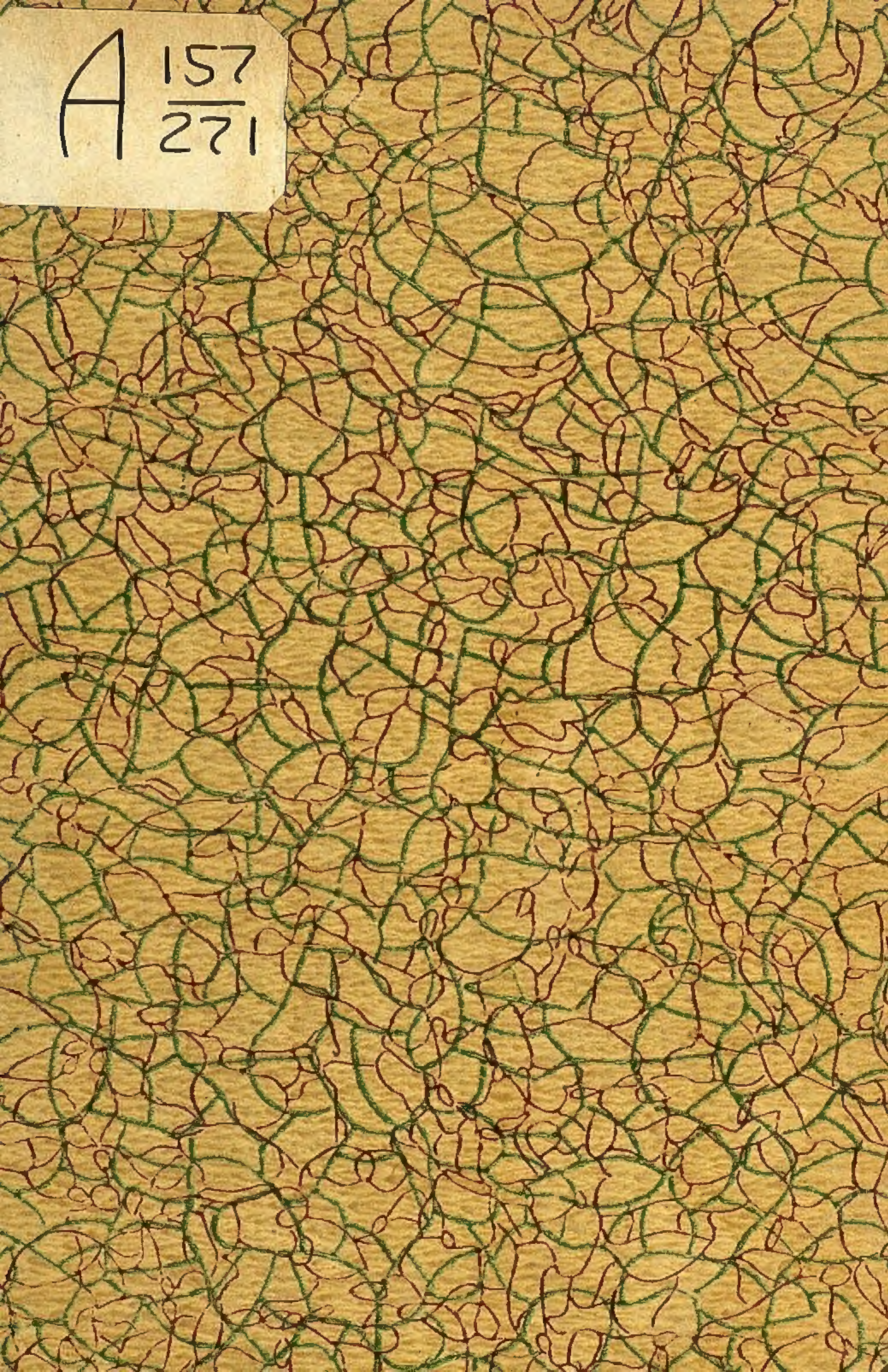
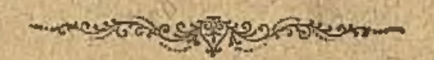

A 157/271

МАТЕРІАЛЫ
для
ИСТОРІИ
ПСКОВСКАГО
КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Ф. А. УШАКОВЪ.

ПСКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1895.

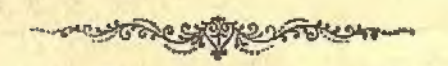

ДЛЯ

ИСТОРІИ ПСКОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Ф. А. УШАКОВЪ.

ПСКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1895.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякое дѣло имѣетъ свою исторію и чѣмъ длиннѣе періодъ его дѣйствія, тѣмъ запутаннѣй эта исторія, тѣмъ труднѣе доискаться его начала и тѣмъ легче потеряться въ массѣ отрывочныхъ, противорѣчивыхъ свѣдѣній, совершенно случайно уцѣлѣвшихъ среди бумагъ того или другаго архива.

Сама по себѣ исторія Псковскаго кадетскаго корпуса не можетъ быть сложной уже потому, что онъ основанъ всего какихъ-нибудь 17 лѣтъ. Какая исторія можетъ быть у 17-ти-лѣтняго юноши, который началъ говорить, т. е. заявлять о своемъ существованіи, съ 1881 года, а до того времени онъ плакалъ, даже кричалъ, но плакалъ не отъ радости, кричалъ не отъ восторга, а отъ щемящей боли, которая придавливала и угнетала его и нравственно, и физически.

Наврядъ-ли найдется въ цѣлой Россіи другое подобное Псковскому кадетскому корпусу военно-учебное заведеніе, которое, начавши свое существованіе чуть-ли не съ 1721 года, путемъ постепеннаго преобразованія изъ гарнизонной школы временъ Петра I-го превратилось въ кадетскій корпусъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ исторіи корпуса, я долженъ разсказать исторію двухъ зданій, съ которыми тѣсно связана судьба нашего заведенія. Дѣло въ томъ, что одно изъ нихъ, а именно старый генералъ-губернаторскій домъ, играло выдающуюся роль не только въ исторіи нашего заведенія, но и въ исторіи Россіи, а другое, хотя и не имѣетъ само по себѣ историческаго значенія, но мѣсто, на

которомъ оно построено, историческое. Начну съ перваго зданія. Со временъ независимаго княжества Псковскаго, на Великой улицѣ города, приблизительно тамъ, гдѣ находятся нынѣ присутственныя мѣста, стоялъ когда-то деревянный, а потомъ каменный домъ, много разъ горѣвшій, неоднократно перестраеваемый, не однажды перемѣнившій свое названіе и видѣвшій на своемъ вѣку много славы, но не меньше того и безславія. До 1510 г. домъ этотъ именуется лѣтописцемъ „Княжъ домъ", а съ этого года, т. е. со временъ Великаго Князя Московскаго Василія Іоанновича, пожаловавшаго, какъ говоритъ лѣтописецъ, Псковъ въ свою „отчину", дома, стоявшіе на мѣстѣ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, назывались намѣстническими и сохраняли это названіе почти 3 столѣтія, т. е. до 1797 года. Въ этомъ году окончательно уничтожено намѣстничество и учреждены генералъ-губернаторы. Псковская губернія въ 1823 году упразднена, а г. Псковъ сначала былъ причисленъ къ Остзейскимъ провинціямъ и только 31 декабря 1829 г. получилъ опять названіе губернскаго города, съ причисленіемъ къ нему нынѣшнихъ уѣздныхъ городовъ. Такимъ образомъ, съ 1797 г. намѣстническій домъ носилъ названіе стараго генералъ-губернаторскаго дома, но не потому, чтобы былъ и новый генералъ-губернаторскій домъ, а потому, что домъ этотъ былъ дѣйствительно старъ и для жилища мало пригоденъ. Sic transit gloria mundi!

Не менѣе интересна судьба другаго дома, съ которымъ еще тѣснѣе связана исторія нашего заведенія, а именно новаго гостиннаго двора.

Тотъ же Великій Князь Московскій Василій Іоанновичъ, въ бытность свою въ Псковѣ въ 1510 году, повелѣлъ занять средній городъ, заключавшійся между каменной Довмонтовской и Средней стѣнами тремъ стамъ семьямъ, переведеннымъ имъ изъ Московскаго княжества, „а псковичамъ тамъ не оставатся ни одному человѣку и дворы свои ставить въ большомъ городѣ, (т. е. въ такъ называемомъ Застѣньи), куда торгъ и гостинный дворъ вывести". При этомъ гостинному двору было указано мѣсто: „за среднимъ городомъ, противъ Лужскихъ (Сергіевскихъ) воротъ". Съ тѣхъ

поръ мѣсто отъ церкви Покрова до Поганкиныхъ палатъ называлось „новымъ торгомъ“ и церковь Покрова Божіей Матери до сихъ поръ сохранила названіе „Покрова отъ Торгу“.

Вотъ что говоритъ лѣтописецъ про новый Торгъ. Въ пожаръ, бывшій 23 марта 1550 года, сгорѣло все старое Застѣнье отъ р. Великой до р. Псковы и множество церквей; отъ пожара ничего не осталось, кромѣ 5 дворовъ у Трупеховскихъ воротъ. Въ 1562 году „выгорѣло Полонище и Торгъ, даже на Запсковье перекинуло“. Въ 1590 г. „погорѣли въ Псковѣ всѣ торги“. Въ 1606 году „погорѣли торги всѣ и Петровскій конецъ весь“. Отстроенный купцомъ Поганкинымъ въ 1645 году домъ противъ Трупеховскихъ воротъ, за Врагской улицей, сгорѣлъ во время пожара 1663 года; тогда же, по сказанію лѣтописца, „сгорѣли въ Большомъ ряду лавки, амбары и гостинный дворъ“. Въ 1669 г. „Поганкинъ купилъ дворъ въ большомъ окольномъ городѣ“ „на Большой улицѣ, (нынѣ Губернаторской), что отъ Краснаго Креста къ Торгу шла“.

Наконецъ въ 1676 году, во время пожара, погорѣлъ большой рядъ.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ оказывается, что вся площадь противъ Сергіевскихъ воротъ, гдѣ нынѣ находится корпусъ, называлась торговой, причемъ самые ряды тянулись отъ Поганкиныхъ палатъ до церкви Покрова.

Къ 1676 г., какъ видно изъ книги псковитина, посадскаго, торговаго человѣка Сергѣя Иванова, сына Поганкина [3]): всѣ амбары, лавки и отдѣльные дома, начиная отъ Поганкиныхъ палатъ почти до церкви Покрова, были скуплены этимъ милліонеромъ г. Пскова и уничтожены во время бывшаго въ упомянутомъ году пожара. Когда этотъ торгъ перешелъ изъ рукъ купцовъ въ полное распоряженіе города и по какому случаю,—свѣдѣній не сохранилось, но, судя по генеральному плану, Высочайше утвержденному въ 1777

---

1. Исторія Княжества Псковскаго. Митрополита Кіевскаге Евгенія 1 ч. стр. 172.

Прозоровскій „Древній Псковъ“ 1878 г. стр. 10.

[3]) Прозоровскій. Дополненіе къ сочиненію „Древній Псковъ“, стран. 79—89.

году, о строеніи города Пскова на мѣстѣ, запятомъ когда-то центральной частью такъ называемаго „Новаго Торга", близъ Сергіевской улицы, за мѣстомъ теперешняго Кутузовскаго сада, показаны торговые ряды, магистратъ, словесный судъ и народное училище. Въ 1779 году, Августа 17 дня, въ журналѣ Псковскаго намѣстническаго правленія [4]) значится, что правленіе это, „имѣя разсужденіе, какъ на строеніе сего города отчисляется положенная по именному Высочайшему повелѣнію сумма на вызовъ желающихъ поставить матеріалы, публикаціи коихъ произведены, проситъ Псковскую казенную палату, чтобы она распорядилась, для палаты гражданскаго и уголовнаго суда, согласно утвержденному плану, копать рвы и ямы на предметъ для строенія ихъ, употребляя на сію работу содержащихся въ острогѣ колодниковъ". Такимъ образомъ съ 1779 года начали строить 2-хъ-этажное каменное зданіе, т. е. теперешній Псковскій кадетскій корпусъ, въ видѣ буквы I, и заняли его нѣкоторыми присутственными мѣстами до 1824 года. Поэтому и на планѣ г. Пскова 1821 г., приложенномъ къ исторіи княжества Псковскаго, митрополита Кіевскаго Евгенія I, подъ № 55, на мѣстѣ Псковскаго кадетскаго корпуса, показаны присутственныя мѣста. Разсказавъ исторію двухъ зданій, т. е. старыхъ и новыхъ присутственныхъ мѣстъ, перейду къ краткому историческому очерку развитія военныхъ школъ въ Россіи.

ГЛАВА I.

Императоръ Петръ I, знакомясь за границей съ устройствомъ быта солдатъ и создавая въ Россіи постоянную армію, члены которой уже не могли сами заработывать пропитанія для семействъ, въ 1721 г. [5]) повелѣлъ при каждомъ пѣхотномъ гарнизонномъ полку учредить школу на 50 человѣкъ солдатскихъ дѣтей, которыхъ обучать грамотѣ и

[4]) Архивъ Псковской казенной палаты. Журналъ присутствія за 1779 одъ 17 Августа.

[5]) Военный энциклопедическій словарь, издаваемый обществомъ военныхъ и литераторами Петербурга. 1842 г., ч. VI, стр. 547.

мастерствамъ. Такимъ образомъ, при 49 полкахъ состояло въ школахъ 2475 солдатскихъ дѣтей. Окончательное устройство этихъ гарнизонныхъ школъ послѣдовало уже въ царствованіе Анны Іоанновны, которая именнымъ указомъ 21 Сентября 1732 года „для пользы и облегченія государства въ рекрутахъ" постановила въ дополненіе къ прежнимъ 50 добавить въ каждомъ полку еще по 14 вакацій. Въ эти школы принимались дѣти отъ 7 до 15 лѣтъ. Если воспитанники оказывали удовлетворительные успѣхи по чтенію, письму и ариѳметикѣ, то обучались, смотря по способностямъ: 10 человѣкъ—артиллеріи и фортификаціи, 20—пѣнію и музыкѣ, 10—мастерствамъ и 10—письмоводству. Съ пятнадцатилѣтняго возраста они поступали въ армейскіе и гарнизонные полки, а особенно успѣшные оставались въ школѣ до 18-лѣтняго возраста „для особаго усовершенствованія". Школы эти состояли подъ начальствомъ офицеровъ и и были поручаемы особому попеченію мѣстныхъ начальниковъ: вице-губернаторовъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ. При Елизаветѣ Петровнѣ въ 1758 г. число учениковъ въ гарнизонныхъ школахъ составляло уже 6002 человѣка. Сенатскимъ указомъ было объявлено о причисленіи всѣхъ солдатскихъ дѣтей исключительно къ военному вѣдомству и опредѣленъ порядокъ распредѣленія ихъ по гарнизоннымъ школамъ. При переформированіи всѣхъ гарнизоновъ 19 апрѣля 1764 г. положено было содержать при каждомъ изъ нихъ школу на 54 человѣка.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, когда численность нашей арміи достигла полумилліона, говоритъ генералъ-маіоръ Лалаевъ [6]), въ гарнизонныхъ школахъ Россійской имперіи обучалось до 12000 малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей. Цифра эта значительно увеличилась впослѣдствіи отъ безпрерывныхъ войнъ, такъ что Правительство было вынуждено дать оставшимся сиротамъ, лишившимся родителей, пріютъ въ закрытыхъ заведеніяхъ.

Великій князь Павелъ Петровичъ устроилъ въ г. Гатчинѣ школу для сыновей призрѣваемыхъ имъ инвалидовъ

---

[6]) Генералъ-маіоръ Лалаевъ. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній. Глава VI.

и, назвавъ ее Сиротскимъ Домомъ, въ первый же годъ своего царствованія, на докладѣ военной коллегіи о гарнизонныхъ школахъ, существовавшихъ при прежнихъ гарнизонныхъ батальонахъ, положилъ такую резолюцію: „Желаю, чтобы коллегія сдѣлала для солдатскихъ дѣтей сколько можно ближе къ заведенію моему при гвардіи, подъ названіемъ Сиротскаго дома, почитая заведенія сіи по разнымъ мѣстамъ, какъ лишь отдѣленія одного заведенія“.

Въ 1805 г. воспитанники военно-сиротскихъ отдѣленій названы были кантонистами. Слово кантонистъ ведетъ свое начало отъ кантонной системы комплектованія войскъ. Такъ, въ Пруссіи, начиная съ XVIII вѣка, каждый полкъ для комплектованія своего имѣлъ приписанный къ нему округъ и люди, поступающіе изъ него на службу, назывались кантонистами. Такъ какъ дѣти нижнихъ чиновъ россійскихъ войскъ, поступавшія въ гарнизонныя школы, а по уничтоженіи ихъ— въ военно-сиротскія отдѣленія, предназначались исключительно къ службѣ въ войскахъ и обучались предметамъ и мастерствамъ, пригоднымъ для военныхъ надобностей, причемъ были обязаны долголѣтнимъ срокомъ службы за свое воспитаніе, то въ 1805 г. они были названы кантонистами. Къ этому времени число ихъ, увеличиваясь годъ отъ году, возросло до 16400 человѣкъ. Школы ихъ были открыты въ 66 городахъ: въ Петербургѣ и Москвѣ на 1500 чел., въ Кронштадтѣ, Ригѣ и Николаевѣ на 1000 чел., въ Архангельскѣ на 700, въ Кіевѣ на 600, въ Казани на 500, въ крѣпости св. Дмитрія на 450, въ 16 отдѣленіяхъ отъ 200—400 чел., въ 51 отъ 50 до 150 человѣкъ.

Въ 1824 г. всѣ военно-сиротскія отдѣленія поступили подъ непосредственное начальство главнаго надъ военными поселеніями начальника, графа Аракчеева, а въ 1826 году были переформированы въ роты, полубатальоны и батальоны военныхъ кантонистовъ, причемъ нѣсколько батальоновъ составляли учебную бригаду. Образованіе кантонистовъ было раздѣлено на три отдѣла: на обученье въ классахъ, ученье фронтовое и обученье мастерствамъ. Въ 1842 г. состояло кантонистовъ въ учебныхъ бригадахъ и въ отдѣльныхъ ротахъ и батальонахъ 35000; кромѣ того, на воспитаніи у

родителей и родственниковъ до 10-лѣтняго возраста—185640 чел., при войскахъ—71900 чел., а всего 293000 человѣкъ. Такова исторія военно-учебнаго заведенія, на развалинахъ котораго, при послѣдующихъ переформированіяхъ, явился въ г. Псковѣ кадетскій корпусъ.

Теперь обращусь къ очерку постепеннаго развитія Псковской гарнизонной школы.

ГЛАВА II.

Что представляла изъ себя Псковская гарнизонная школа съ 1721 по 1783 г., даже была ли она открыта при здѣшнемъ батальонѣ въ этотъ 60-лѣтній періодъ, или ея совсѣмъ не было, псковскіе архивы свѣдѣній не сохранили. Но въ 1783 г. она получила уставъ подъ заглавіемъ: генеральное наставленіе, касающееся до гарнизонныхъ батальоновъ и солдатскихъ школъ" [7]). По этому наставленію, вмѣсто 6 рядовыхъ, въ каждой ротѣ гарнизоннаго батальона повелѣно содержать 6 школьниковъ, а всего при 9 ротахъ 54 человѣка.

На содержаніе ихъ, кромѣ одежды и провіанта, выдаваемыхъ отъ комиссаріатскаго вѣдомства, было опредѣлено отпускать на каждый внутренній батальонъ по 350 руб. 5 коп. въ годъ. Согласно 16 § того же положенія, предписывалось „изъ сихъ денегъ построить школу каменную, а по нуждѣ на первый случай и деревянную", но рукою Императрицы Екатерины II, видѣвшей полную невозможность осуществить подобное распоряженіе, сдѣлана противъ этого § слѣдующая резолюція: „Ежели есть какое казенное и ни къ чему нужнѣйшему не потребное каменное строеніе, то истребовать оное отъ городу и починкой исправить, употребляя къ тому строенію и починкѣ гарнизонныхъ солдатъ". Такимъ образомъ съ 1783 г. при псковскомъ гарнизонномъ батальонѣ было повелѣно открыть гарнизонную школу.

Тихо и скромно народилась на свѣтъ Божій эта псков-

---

[7]) Архивъ Псковскаго губернскаго правленія. Дѣло № 26, 1783 г.

ская гарнизонная школа; никто не привѣтствовалъ появленія ея на свѣтъ Божій; безъ лишнихъ рѣчей и оваций начала она свою многострадальную жизнь, а между тѣмъ школа эта была первымъ учебнымъ заведеніемъ во всей Псковской округѣ. Никто, повидимому, не обратилъ на этотъ фактъ вниманія, обособленная, она стояла въ сторонѣ отъ всего окружающаго, не имѣя съ нимъ никакой связи. Я говорю это, во 1-хъ, потому, что съ 1783 по 1796 г. никакихъ свѣдѣній въ архивахъ Пскова не сохранилось объ открытіи гарнизонной школы, а во 2-хъ, потому, что почти въ то же время появилось другое дѣтище въ Псковѣ, такъ называемая народная школа, которую совсѣмъ иначе встрѣтило псковское общество: 22 сентября 1786 г. шумныя оваціи, иллюминація и пушечная пальба сопровождали торжественное открытіе этого училища [8]). Его помѣстили въ каменномъ 2-хъ-этажномъ флигелѣ, занимаемомъ до того времени „канцеляріей межевой части, архивомъ и пр.", а нынѣ принадлежащемъ псковскому кадетскому корпусу (флигель № 3) и занятомъ квартирами служителей.

Эти два заведенія и духовное училище до 1801 года включительно представляли собою весь разсадникъ образованія для юношества всей Псковской губерніи. 23 декабря 1798 г., по Высочайшему повелѣнію, псковская гарнизонная школа [9]) получила,*названіе военно-сиротскаго отдѣленія, ученики котораго пользовались не только образованіемъ, но, постоянно находясь въ стѣнахъ заведенія, пользовались также и воспитаніемъ. Если няньками 6-лѣтнихъ мальчиковъ въ этой школѣ являлись солдаты, закаленные въ бояхъ, привыкшіе къ суровой дисциплинѣ и безпощадно требовательные къ дѣтямъ, то и сосѣдка ея, народная школа, находилась въ это время не въ лучшемъ положеніи. Вотъ что сообщалъ попечителю петербургскаго учебнаго округа Новосильцеву псковскій губернаторъ Лямсдорфъ въ 1801 г. [10]): „Не смотря на всѣ старанія, какимъ бы образомъ возста-

---

[8]) Историческія записки пятидесятилѣтія Псковской губернской гимназіи 1884 г П. Говорливой, стр. 2.

[9]] Архивъ канцеляріи псковскаго губернатора. Дѣло № 243, 1801 г., стр. 12.

[10]] Архивъ канцеляріи псковскаго губернатора. Дѣло № 243, стр. 38.

новить училище изъ того уничиженія, до котораго оно доведено было, я не могъ ничего сдѣлать, дворяне стыдились отдавать туда дѣтей, по причинѣ названія его народнымъ, а граждане мало ощущали потребности въ образованіи и тоже весьма неохотно отдавали своихъ дѣтей". Да и какъ было рѣшиться на этотъ шагъ, когда самъ губернаторъ въ томъ же донесеніи выражается про зданіе училища, что оно „ни на что болѣе не годится, какъ для рабочаго дому". Не мудрено послѣ этого, что и дворянство, жившее по помѣстьямъ, и чиновники, и граждане г. Пскова, какъ чумы, боялись этой школы. По заявленію губернатора Лямсдорфа „не смотря на всѣ уговоры и мѣры къ привлеченію дворянъ съ Екатерининскихъ временъ на пожертвованія въ пользу училища, они неособенно спѣшили открывать свои кошельки, а открывая не старались быть щедрыми. Такимъ образомъ, эти обѣ школы шли дружно рука объ руку съ одинаковымъ успѣхомъ, контингентомъ учащихъ и учащихся, положеніемъ въ обществѣ и матеріальной обстановкой; онѣ отличались одна отъ другой только тѣмъ, что народное училище имѣло мало учениковъ потому, что его обходили, а военно-сиротское отдѣленіе потому, что не имѣло средствъ содержать ихъ въ большемъ числѣ. Тѣмъ не менѣе, уже въ 1801 году псковское военно-сиротское отдѣленіе, по дошедшему до насъ отчету командира псковскаго гарнизоннаго батальона, полковника Батурина, въ вѣдѣніи котораго оно находилось, представляло изъ себя учебное заведеніе съ извѣстными инструкціями, правилами и программами.

По отчету командира псковскаго батальона, полковника Батурина [11]) въ отдѣленіи состояло 170 учениковъ въ возрастѣ отъ 7—15 лѣтъ. Съ 7-лѣтняго возраста воспитанники эти обучались: „Закону Божьему, россійскому чтенію, письму и ариѳметикѣ сколько нужно для дѣланія обыкновенныхъ выкладокъ". Самое обученіе происходило такимъ образомъ: въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу до обѣда умѣющіе писать обучались ариѳметикѣ, а прочіе учились по азбукамъ, десятословамъ и псалтирямъ, а послѣ

[11]] Архивъ канцеляріи псковскаго губернатора. Дѣло № 243, 1801 года.

обѣда того же дня первые письму, а послѣдніе читали. Въ среду до обѣда всѣ читали зады; въ субботу до обѣда слушали воинскій артикулъ и Высочайшій уставъ, а послѣ обѣда въ два нижепоименованные дня, равно въ табельные и воскресные дни, ученій не было".

Въ лѣтнее же время, т. е. съ 3 мая по 1 октября, по понедѣльникамъ и четвергамъ въ продолженіе всего дня было строевое обученіе.

Всѣ воспитанники раздѣлялись на 3 группы или класса. Въ I классѣ обучающихся чтенію состояло отъ 50 до 70 челов., во II классѣ обучались письму отъ 40 до 60 и въ III кл. отъ 30 до 40 человѣкъ.

Экзамены производились одинъ разъ въ годъ, въ августѣ, командиромъ гарнизоннаго батальона, которому „была ввѣрена полная надъ отдѣленіемъ дирекція". Для обученія воспитанниковъ при отдѣленіи состояло: 3 учителя ариѳметики и 3 русс. грамотѣ, а всего 6 учителей. Учители ариѳметики получали по 120 р. въ годъ, а русской грамоты по 60 р. въ годъ. Зданіе, въ которомъ было расположено псковское военно-сиротское отдѣленіе, представляло просторный, каменный, весьма старый домъ, т. е. старый генералъ-губернаторскій домъ, отведенный по распоряженію думы. Этотъ домъ, по донесенію полковника Батурина, „во многихъ комнатахъ отъ течи грозитъ паденіемъ потолковъ, крыша досчатая сгнила, а мѣстами и провалилась. Окна и печи въ весьма худомъ состояніи".

Описавъ все это, полковникъ Батуринъ добавляетъ, что въ завѣдываемомъ имъ отдѣленіи „все дѣлается согласно штата, приложеннаго къ Высочайшему повелѣнію отъ 23 декабря 1798 г., но никакихъ уставовъ о порядкѣ ученія при отдѣленіи не имѣется". Въ 1803 году для завѣдыванія военно-сиротскимъ отдѣленіемъ Высочайше повелѣно назначить отдѣльное лицо изъ числа достойнѣйшихъ офицеровъ гарнизонныхъ батальоновъ, съ званіемъ Смотрителя военно-сиротскаго отдѣленія. Первымъ смотрителемъ отдѣленія былъ штабсъ-капитанъ Лукашевичъ, человѣкъ заботливый и, видимо, порядкомъ надоѣдавшій гражданскимъ властямъ своими жалобами на невозможность квартированія въ

отведенномъ помѣщеніи безъ капитальнаго исправленія здания.

По заявленію генералъ-маіора Лалаева [12]), „почти всѣ отдѣленія терпѣли недостатокъ въ помѣщеніи, чрезъ что возникали въ оныхъ болѣзни“ и псковское отдѣленіе не представляло изъ себя счастливаго исключенія въ этомъ отношеніи. Въ 1801 г., какъ я уже сказалъ выше, генералъ-губернаторскій домъ былъ старъ и неудобенъ для школы. Въ 1817 г. онъ пришелъ въ такое состояніе, что, по заявленію шт.-кап. Лукашевича, сталъ непригоднымъ не только для учебнаго заведенія, но и для обыкновеннаго жилья. Такъ, напримѣръ, смотритель отдѣленія доноситъ, что „въ ночь съ 19 на 20 августа выбито вѣтромъ 17 рамъ“; затѣмъ, по другимъ его же донесеніямъ, оказывается, что въ домѣ этомъ дырявая крыша, съ потолочнаго наката слѣзла вся глиняная смазка, штукатурка на стѣнахъ обсыпалась, полы гнилые и во многихъ печахъ обрушились своды, такъ что для топки онѣ не пригодны. Вотъ что представляло изъ себя новое военно-учебное заведеніе въ г. Псковѣ. Неоднократныя просьбы и сѣтованія смотрителя отдѣленія и бывшаго псковскаго камендапта, полковника Депца, видимо, наскучили гражданскому начальству и оно приказало составить смѣту на исправленіе этого зданія; но когда архитекторъ потребовалъ на это 700 р., то власти остановились передъ такой затратой и вошли съ вопросомъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, на чей счетъ долженъ быть отнесенъ расходъ по ремонту помѣщенія для Военно-сиротскаго отдѣленія? Черезъ нѣсколько лѣтъ волокиты главный штабъ арміи сообщилъ, что зданія, отводимыя для войсковыхъ помѣщеній гражданскими властями, должны быть ремонтированы на счетъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя ихъ отводили. Получивши такой отвѣтъ, гражданскія власти предписали архитектору составить новую смѣту на возобновленіе и перестройку стараго генералъ-губернаторскаго дома, а такъ какъ по этой смѣтѣ потребовалось 203000 руб., то генералъ-губернаторъ Паулучи заблагоразсудилъ сдѣлать

[12]] Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній. Глава VII, стр. 120.

представленіе въ Министерство о приспособленіи дома, занимаемаго отдѣленіемъ, подъ присутственныя мѣста, а старыя присутственныя мѣста, (гдѣ нынѣ помѣщается корпусъ), отдать подъ помѣщеніе отдѣленія.

Въ апрѣлѣ 1824 г., по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, „находящійся въ г. Псковѣ каменный домъ, въ которомъ помѣщался госпиталь, а въ то время судъ и архивы присутственныхъ мѣстъ, было приказано очистить и передать въ вѣдѣніе псковскаго военно-сиротскаго отдѣленія. [13]) Вслѣдствіе этого въ маѣ того же года псковскій полицеймейстеръ донесъ гражданскому губернатору, съ представленіемъ подробной описи, [14]) о сдачѣ имъ въ вѣдомство псковскаго военно-сиротскаго отдѣленія адъютанту его сіятельства, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, поручику Корбуту настоящаго зданія", т. е. зданія, занимаемаго нынѣ псковскимъ кадетскимъ корпусомъ. Опись составлена весьма подробно; жаль только, что, за множествомъ ненужныхъ подробностей, въ ней упущено главное, а именно—квадратное содержаніе двороваго мѣста и протяженіе заборовъ, поэтому судить о величинѣ двороваго участка въ настоящее время невозможно, тѣмъ болѣе, что при описи не имѣется плана. Псковская городская управа тоже не имѣетъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ дѣла ея архива начинаются только съ 1831 гога; за время же предыдущее имѣется всего 3 дѣла, къ этому предмету не относящихся.

Изъ упомянутой выше описи видно слѣдующее: домъ 2-хъ-этажный каменный, вытянутый въ одну прямую линію безъ крыльевъ, которыя пристроены позже. Въ верхнемъ этажѣ оконъ вокругъ всего зданія 108. Сравнивая зданіе по этой описи съ нынѣ существующимъ оказывается слѣдующее: въ зданіи 1824 г. было во второмъ этажѣ 108 оконъ, а въ настоящемъ зданіи, не включая крыльевъ, выходящихъ на Ивановскую улицу, пристроенныхъ въ 1859 г., въ томъ

---

[13]) Предписаніе Рижскаго генералъ-губернатора, дѣло № 2, 1824 года № 1358.

[14]) Донесеніе полиціймейстера, дѣло № 2, 25 мая 1824 г. № 222. Архивъ Псковскаго губернскаго правленія.

же этажѣ имѣется 134 окна, т. е. на 26 оконъ больше. Вѣроятно въ то время были болѣе широкіе оконные простѣнки; это предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что отъ настоящаго смотрителя дома, поручика Тихомирова не разъ приходилось слышать заявленіе, что, подъ отбиваемой мѣстами штукатуркой, замѣчались имъ оконныя отверстія, заложенныя кирпичемъ и закрытыя очень толстымъ слоемъ штукатурки. По фасаду, выходящему на Губернаторскую улицу, шелъ деревянный заборъ, во дворѣ по правую и лѣвую сторону, воротъ были два колодца, а самый дворъ былъ вымощенъ камнемъ. Съ передняго фасада, т. е. съ Ивановской улицы, на плацу передъ домомъ, располагалась деревянная платформа. Пять крылецъ на каменныхъ столбахъ вели съ разныхъ сторонъ въ это зданіе, но гдѣ находились крыльцы, сказать трудно. На мѣстѣ настоящей бани стоялъ каменный одно-этажный флигель; при немъ находились: каменная конюшня съ сараемъ, ледникъ, сарай для мертвыхъ тѣлъ и дровяной дворъ. Опись эта находится въ дѣлѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „опись строеніямъ и при оныхъ состоящимъ на лицо вещамъ въ корпусѣ, прежде занимаемомъ уничтоженнымъ госпиталемъ, а нынѣ поступившимъ въ вѣдѣніе Псковскаго сиротскаго отдѣленія".

Какова была внутренняя жизнь этого заведенія до 1825 г., свѣдѣній имѣется мало. Въ этомъ году былъ назначенъ начальникомъ псковскаго военно-сиротскаго отдѣленія полковникъ Глазенапъ, человѣкъ больной и начальствовавшій всего только одинъ годъ.

Въ маѣ 1826 года псковское отдѣленіе было принято маіоромъ Крыжановскимъ [15]). Съ этого періода имѣются уже болѣе подробныя свѣдѣнія о внутренней жизни и порядкахъ въ этой школѣ. Такъ, въ 1826 г. численный составъ отдѣленія былъ таковъ: въ большомъ возрастѣ состояло 86 кантонистовъ, въ среднемъ 494, въ меньшемъ 97. Словомъ, около 600 человѣкъ, которые дѣлились на 4 роты. Изъ этого числа въ зданіи отдѣленія помѣщалось до 100 человѣкъ, а остальные были расквартированы по обы-

---

[15] Архивъ псковскаго уѣзднаго воинскаго начальника, дѣло № 12, приказъ по отдѣленію 30 мая 1826 г.

вательскимъ квартирамъ у „добровольныхъ содержателей“, получавшихъ за каждаго кантониста по 30 коп. въ мѣсяцъ на приварокъ и, кромѣ того, провіантъ по положенію.

Завѣдывали ротами на правахъ ротныхъ командировъ унтеръ-офицеры, которые имѣли въ распоряженіи, кромѣ нѣсколькихъ помощниковъ изъ учителей нижняго званія, еще надзирателей изъ инвалидовъ, такъ что весь педагогическій и административный персоналъ составлялъ до 40 человѣкъ

Маіоръ Крыжановскій, принимая отдѣленіе, издалъ приказъ 3 іюня 1826 года, чтобы ротные командиры на дворѣ заведенія, при именныхъ спискахъ, представили ему на смотръ кантонистовъ, живущихъ въ зданіи, а штабсъ-капитану Лукашевичу, который завѣдывалъ въ то время кантонистами, живущими „въ не отдѣленіи у родственниковъ и воспитателей“, приказалъ представить этихъ воспитанниковъ, „при коихъ должны находиться и сами содержатели“.

Ознакомившись съ людьми, маіоръ Крыжановскій, какъ онъ выражается, „въ предупрежденіе нетерпимыхъ безпорядковъ и значительныхъ упущеній въ присмотрѣ ротныхъ командировъ за кантонистами“, издалъ довольно полную, обстоятельную и не лишенную, по тому времени, интереса инструкцію относительно внутренняго порядка и даже нѣкоторыхъ воспитательныхъ мѣръ, которыя онъ, „по примѣру С.-Петербургскаго отдѣленія“, составилъ и предписалъ къ исполненію.

Съ этого времени каждая рота была раздѣлена на 3 капральства, завѣдываніе каждымъ было поручено учителю. Для облегченія учителя, капральство дѣлилось еще на нѣсколько мелкихъ частей, которыми завѣдывали кантонисты „изъ надежнѣйшихъ“ и носившихъ названіе десяточныхъ ефрейторовъ, въ отличіе отъ ефрейторовъ капральныхъ, на каждое капральство по одному, представлявшихъ, такъ сказать, 2-ю начальственную инстанцію послѣ учителей.

По инструкціи этой—каждое утро десяточный ефрейторъ осматриваетъ ввѣренную ему часть, ведетъ на молитву, раздаетъ завтракъ и вообще отвѣчаетъ за исправность и порядокъ въ своемъ десяткѣ.

Капральный ефрейторъ въ свою очередь, наблюдая за порядкомъ нѣсколькихъ десятковъ, докладываетъ о каждомъ безпорядкѣ и шалости кантонистовъ учителю. Капральный учитель изъ унтеръ-офицеровъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ воспитателя, хотя главнымъ образомъ слѣдилъ за „исправностью постелей, цѣлостью столовъ, стульевъ, кроватей, стѣнъ и чистотою рукъ кантонистовъ во время отхода ихъ ко сну".

Такъ называемые ротные командиры должны были осматривать кантонистовъ роты „черезъ день", предотвращать всякіе проступки ихъ и своевременно докладывать начальнику заведенія о выдающихся безпорядкахъ.

Вѣроятно въ это время особенно сильно свирѣпствовала между кантонистами чесотка, поэтому Крыжановскій вмѣняетъ въ непосредственную обязанность ротнаго командира „предотвращать чесоточную болѣзнь" и въ 1827 году вновь обращаетъ вниманіе ротныхъ командировъ въ виду развитіе этой болѣзни среди кантонистовъ, преимущественно приходящихъ, на чистоту тѣла и бѣлья ихъ. Распредѣливши такимъ образомъ обязанности должностныхъ лицъ, начальникъ отдѣленія даетъ еще болѣе подробную инструкцію дежурнымъ, которыхъ до обременительности заваливаетъ письменною отчетностью о ежедневномъ наличномъ числѣ кантонистовъ. За завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ и отходомъ ко сну дежурные ефрейторы подавали рапортички капральнымъ, а эти послѣдніе—общую отъ капральствъ записку дежурному капральному, который передавалъ ихъ ротному командиру, ротный же командиръ общую рапортичку отъ роты—дежурному ротному командиру, который, составивъ записку отъ цѣлаго батальона, „при словесномъ рапортѣ" представлялъ ее ежедневно въ 8 часовъ вечера начальнику заведенія.

Кромѣ этихъ ординарныхъ рапортичекъ, дежурные ротные командиры должны были имѣть всегда при себѣ экземпляръ инструкціи, „чтобы въ каждую минуту знать, что самому и подвѣдомственнымъ ему дежурнымъ и кантонистамъ дѣлать надлежитъ", повѣрять каждый разъ по рапортичкамъ учителей численность кантонистовъ при приходѣ ихъ въ

столовую, наблюдать за чистотой и опрятностью не только помѣщенія кантонистовъ, но и двора, присутствовать во время приготовленія пищи, т. е. при укладкѣ продуктовъ въ котелъ на кухнѣ.

Затѣмъ маіоръ Крыжановскій объявилъ такое росписаніе дня: въ 5 ч. утра кантонисты вставали, послѣ приведенія себя въ порядокъ въ 6 ч. строились на молитву; потомъ получали отъ десяточныхъ ефрейторовъ завтракъ, состоявшій изъ 1 и $1^1/_2$ ф. хлѣба съ солью; до 8 часовъ приготовляли уроки, съ 8 часовъ одна половина шла въ классы, а другая—въ мастерскую. Въ 11 ч. былъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ, щи или супъ и каша, до 2-хъ часовъ отдыхъ, а въ 2 часа вновь разводили кантонистовъ по классамъ и въ мастерскую, гдѣ занимались до 7 ч. вечера Послѣ 7 часовъ былъ ужинъ, состоявшій изъ „размазни", т. е. жидкой кашицы; затѣмъ до 9 ч. давалось время „для исполненія собственныхъ надобностей", около 9 часовъ строились на вечернюю молитву, перекличку и осмотръ рукъ.

Вскорѣ за этимъ, встрѣтивъ безпорядокъ и незнаніе обязанностей въ отношеніи устройства средняго возраста и малолѣтнихъ, не живущихъ въ стѣнахъ заведенія, маіоръ Крыжановскій назначилъ надзирателемъ за ними учителя Шиплякова, которому даны соотвѣтствующее наставленіе и инструкція. Словомъ, этотъ энергичный начальникъ, повидимому, ничего не оставлялъ безъ вниманія: чрезъ день объявлялъ приказы довольно хлесткіе по содержанію не только въ отношеніи внутренняго порядка, но и по класному дѣлу.

Такъ, замѣтивъ, что учителя во время классовъ взаимнаго обученія совсѣмъ не руководствовались существующими на этотъ предметъ правилами, ввелъ должность инспектора классовъ, назначивъ его изъ унтеръ-офицеровъ, то былъ нѣкто Поповъ, которому и было поручено объединять это дѣло. Извѣстно, что съ 1815 г. у насъ стали вводить взаимное обученіе въ войскахъ по методѣ Белль-Ланкастера, составлялась даже особая коммиссія для примѣненія этой методы въ школахъ солдатскихъ дѣтей, но такъ какъ опыты эти не привели къ желательнымъ результатамъ, то мысль о дальнѣйшемъ удержаніи въ школахъ этой методы

уже въ 20 годахъ была оставлена [16]). Между тѣмъ въ Псковѣ эта система была новинкой еще въ 1826 г., поэтому маіоръ Крыжановскій даже и въ 27 году силился примѣнять эту методу и страшно нападалъ въ приказѣ на не выполнителей ея, какъ на виновниковъ дурнаго результата. Сознавая, что учителя, приставленные къ кантонистамъ, далеко не удовлетворяли своему значенію, маіоръ Крыжановскій вошелъ въ главное управленіе военныхъ поселеній съ ходатайствомъ разрѣшить отправить въ псковскую гражданскую гимназію 12 кантонистовъ для подготовки ихъ въ учителя. По отзыву директора училищъ Псковской губерніи отъ 20 декабря 1827 г. за № 503 видно, что изъ числа обучающихся — 7 человѣкъ оказали хорошіе результаты и съ наградой переведены въ слѣдующіе классы.

Въ воспитательномъ отношеніи маіоръ Крыжановскій обращалъ особенное вниманіе на то, чтобы учителя не обходились грубо съ воспитанниками. Изъ многихъ приказовъ, отданныхъ имъ, видно, что борьба эта съ грубостью нравовъ, хотя и не всегда приводила къ успѣшному результату, потому что факты грубаго насилія и цыничной порки кантонистовъ ихъ наставниками часто повторялись въ заведеніи, но, будучи узнаны начальствомъ, не проходили даромъ ни педагогамъ, ни воспитанникамъ и карались довольно строго. Впрочемъ, каковы были педагоги въ описываемое время, можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

Изъ приказовъ по заведенію видно, что учители ходили въ классы полуодѣтыми и прикрывались шинелями; одинъ учитель приведенъ изъ кабака въ пьяномъ видѣ за произведенный имъ дебошъ(?); другой, будучи посланъ начальникомъ отдѣленія на почту для полученія денегъ, присланныхъ кантонисту, заходитъ въ кабакъ, пропиваетъ деньги и является пьянымъ; но всего болѣе характеризуетъ нравы тогдашнихъ педагоговъ слѣдующій приказъ: предупредить прислугу, стоявшую на часахъ у параднаго входа съ Ивановской улицы, не пускать никого изъ учителей въ кабакъ, находящійся противъ главнаго входа въ зданіе, т. е.

[16]) Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I. Спб. 1871 года, стр. 358.

стоявшій на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ женской гимназіей. Что же можно было, при такихъ наставникахъ, ждать отъ воспитанниковъ?

Если, по выраженію одного батальоннаго командира кадетскаго корпуса, приводимому генераломъ Лолаевскимъ, „стыдно гренадеру дать меньше ста розогъ [17]“, то, по выраженію Аракчеева, допускалось замучить 9 человѣкъ, лишь бы 10-й сдѣлался образцовымъ; поэтому немудрено, что начальство прилагало добросовѣстно все свое умѣнье, чтобъ осуществить предначертанія высшей власти. Въ изобрѣтеніи взысканій являлось у нихъ особое творчество, а въ исполненіи—виртуозность. Кантонистъ не починилъ во время подкладку брюкъ—учитель поретъ его такъ, что несчастный весь въ слезахъ наскакиваетъ на начальника заведенія и еще получаетъ 20 розогъ, при собраніи роты, „въ назиданіе товарищамъ“. Бѣжитъ кантонистъ изъ заведенія потому, что учитель „постращалъ“ посѣчь виновнаго за какой-то проступокъ, бѣглеца ловятъ и даютъ ему, по приказу, 25 розогъ. Чрезъ три дня другой кантонистъ подговариваетъ товарища сдѣлать отлучку, товарищъ заявляетъ начальнику о подговорѣ, ему—благодарность въ приказѣ, а подговорщику—30 горячихъ.

Не знаю, стало ли лучше кантонистамъ съ 9 декабря 1827 года, когда, по Высочайшему повелѣнію, военносиротское отдѣленіе было переименовано въ полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ и въ командованіе ротами вступилъ штабсъ-капитанъ Лукашевичъ и поручикъ Ивановъ, помощниками же ихъ—поручикъ Зиновьевъ и прапорщикъ Емельяновъ. Надо полагать, что измѣненій къ лучшему не произошло: огрубѣвшіе, въ теченіи 29-лѣтняго существованія, кантонисты не могли бы подчиниться гуманнымъ мѣрамъ, а офицеры изъ войскъ, привыкшіе возиться съ солдатами, цѣликомъ переносили въ училище казарменные пріемы воспитанія, между которыми розги считались самымъ радикальнымъ средствомъ къ исправленію нравственности,—и само старшее начальство видѣло идеалъ въ пріученіи сол-

---

[17]) Истор. Обз. Воен. Учеб. завед. въ Россіи.

дата къ тому, чтобъ онъ „меньше 700 счета не зналъ". Вступая въ училище съ подобными взглядами, офицеры руководились ими въ обращеніи съ воспитанниками и, повидимому, нелицепріятно примѣняли ихъ, не разбирая даже возраста воспитываемаго. Кромѣ того, кантонисты для тогдашняго начальства представляли то же, что большое стадо для Номада, лишиться котораго, значило бы умереть съ голоду, потерять же десятокъ, другой скотовъ не составляло ничего. Немудрено поэтому, что начальство жестоко эксплоатировало кантонистовъ: мальчишки малолѣтняго отдѣленія посылались для подноски кирпича на больницу, а заработанныя ими деньги составляли собственность начальства [18]).

Мастерскія существовали исключительно для подѣлокъ вещей, необходимыхъ начальству, а кормили кантонистовъ настолько, чтобъ они не перемерли съ голоду, т. е. такъ, какъ крестьянинъ кормитъ лошадь при безкормицѣ, лишь бы не пала къ веснѣ.

Такъ проходили годъ за годомъ. Маіоръ Крыжановскій въ 1828 г. сдалъ полубатальонъ подполковнику, барону Билингсгаузену. Незадолго передъ этимъ псковскій полубатальонъ кантонистовъ, согласно приказу начальника штаба военныхъ поселеній [19]), вошелъ въ составъ вновь сформированной 2-й стрѣлковой учебной бригады кантонистовъ, и начальникомъ бригады былъ назначенъ полковникъ Вохинъ,— службистъ Александровскаго закала, помнившій изъ всего воинскаго устава лишь одно выраженіе: „не оставлять проступковъ и нарушеній подчиненнымъ безъ взысканія" и широко пользовавшейся, данной ему властью; но, не смотря на это, батальонъ не отличался особеннымъ порядкомъ.

Генералъ-маіоръ Колотинскій, начальникъ 3 гренадерской дивизіи, посѣтивъ Псковъ въ февралѣ 1830 года и, осмотрѣвъ „внезапно" полубатальонъ, нашелъ много безпорядковъ: сырость въ помѣщеніи [20]), „нечистоту половъ и двора, грязное столовое и носильное бѣлье, недоброкачествен-

---

[18]) Приказъ по 2 учебной бригадѣ 1830 г. № 23. Архивъ Псков. уѣзд. Воин. Начальника.

[19]) Приказъ начальн. штаба военныхъ поселеній отъ 6 августа 1827 г. № 74.

[20]) Приказъ по бригадѣ 1830 г. № 3.

ный столъ, а въ помѣщеніи для малолѣтнихъ—отсутствіе нужнаго и достаточнаго для помѣщеній таковыхъ вида и и вентиляцій. Вслѣдствіе этого, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, псковскій полубаталіонъ кантонистовъ въ іюнѣ 1830 года былъ принятъ подполковникомъ Грошевымъ. Какова была дѣятельность этого начальника—въ архивѣ свѣдѣній не сохранилось, но вѣроятно подполковникъ Грошевой былъ исправный и дѣятельный командиръ, если полковникъ Вохинъ, страшно громившій въ приказахъ командировъ, подчиненныхъ ему прочихъ полубаталіоновъ, находившихся во 2-й учебной бригадѣ, нашелъ возможнымъ, послѣ осмотра псковскаго полубаталіона, объявить въ приказѣ, что онъ остался имъ доволенъ и что командиръ и его помощники вполнѣ заслуживаютъ благодарности за здоровый видъ кантонистовъ, свидѣтельствующій о заботливости начальства.

Въ 1831 году было уже предположено выводить кантонистовъ въ лагери [21]). Изъ дѣлъ полубатальона видно, что управленіе военныхъ поселеній вошло въ сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объ отводѣ казенной земли подъ лагерь для кантонистскихъ батальоновъ и полубатальоновъ и предписало ближайшимъ начальникамъ, какъ знающимъ лучше мѣстность и мѣстныя условія, указать удобные для лагерей участки. Псковскій полубатальонъ указалъ первоначально на мѣстность въ д. Черняковицахъ, въ 10 верстахъ отъ Пскова, въ казенномъ лѣсу, на берегу р. Псковы. Дѣйствительно, лучшихъ условій для лагернаго мѣста найти трудно: высокій сосновый лѣсъ, песчаная почва, неглубокая, но вполнѣ достаточная для купанья, съ довольно быстрымъ теченіемъ рѣка Пскова—все это побуждало остановиться на этомъ выборѣ, но палата государственныхъ имуществъ, имѣя въ виду, что указанное для лагеря мѣсто составляетъ арендную статью для лѣсничества, помѣщавшагося тамъ со всѣми службами и домомъ лѣсничаго, не согласилась уступить его. Послѣ этого пришлось поневолѣ выбирать другое мѣсто, а такъ какъ вблизи

---

[21]) Архивъ псковской контрольной палаты. Дѣло 1831 г. за № 11.

города казенныхъ земель не оказалось, то псковское отдѣленіе просило отвести лагерное помѣщеніе на Завеличьѣ, близъ деревни Гнилища. Изъ дѣлъ псковскаго отдѣленія кантонистовъ видно, что въ 32 году уже выводили кантонистовъ въ лагери, гдѣ они располагались въ палаткахъ, и, кромѣ фронтовыхъ занятій, одинъ день въ недѣлю занимались повтореніемъ пройденныхъ въ году предметовъ въ выстроенныхъ для этой цѣли сараяхъ.

1835 годъ можно отмѣтить посѣщеніемъ Императора Николая I. О пребываніяхъ Его въ архивахъ сохранилась лишь надпись на витринѣ съ посудой, имѣющейся и понынѣ въ нашемъ заведеніи, слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ Николай I, при осматриваніи Псковскаго полубатальона военныхъ кантонистовъ 17 мая 1835 года, изволилъ приготовленную для кантонистовъ пищу кушать изъ сей посуды.

Въ томъ же году было куплено отъ приказа общественнаго призрѣнія 2 каменныхъ флигеля, въ которыхъ когда-то помѣщалось народное училище. По имѣющейся купчей значится, что: „лѣта 1835 іюля въ 10 день Псковскій Приказъ общественнаго призрѣнія продалъ Псковскому полу-батальону кантонистовъ каменнаго строенія домъ, со всѣми принадлежащими къ нему пристройками и мѣстомъ величиною въ 605 съ восьмой девятой долей квадратнаго арш., въ 1 части, 2 квартала, во 2 отдѣленіи, подъ №№ 12 и 13, за который домъ съ пристройками и мѣстомъ взялъ Псковскій приказъ общественнаго призрѣнія съ онаго полу-батальона государственными бумагами 16 тысячъ рублей“.

Въ 1840 году вступилъ въ командованіе полубатальономъ маіоръ Іосифъ Ивановичъ Якубовскій. Во время его начальствованія выдающимися событіями были: постройка церкви въ зданіи полубатальона и переводъ Ревельскаго полубатальона въ Псковъ.

Вотъ что удалось найти случайно въ архивѣ по поводу церкви: бывшій ктиторъ церкви Спасо-Преображенія, учитель школы Зеленчеевъ доносилъ полковнику Ермолину, начальнику псковскаго училища военнаго вѣдомства уже въ

1859 году, слѣдующее: „что хотя письменныхъ свѣдѣній объ устройствѣ домовой Спасопреображенской церкви не имѣется, но, служа постоянно въ семъ зданіи съ 1831 г., помню, что въ 1836 году, по просьбѣ командира 2 учебной бригады военныхъ кантонистовъ, полковника Вохина, псковскій купецъ и коммерціи совѣтникъ Степанъ Дмитріевичъ Воронинъ пожертвовалъ 18 т. руб. ассигнаціями на устройство церкви при батальонѣ. Когда была начата постройка и достаточно ли было пожертвованной суммы, сказать не могу, помню только, что по составленному проекту постройки пришлось разломать прежде всю средину зданія до основанія на ширину 3-хъ оконъ; по разломкѣ средины зданія, была заложена церковь или, вѣрнѣе, одинъ алтарь 6 августа 1836 года. Послѣ того всѣ работы какъ по устройству церкви, такъ и по другимъ передѣлкамъ зданія производились подъ наблюденіемъ особой коммиссіи, учрежденной въ г. Псковѣ, по Высочайшему повелѣнію, для постройки полковыхъ штабовъ и артиллерійскихъ парковъ внѣ города, причемъ вся постройка церкви была окончена въ 1840 г. Купецъ С. Д. Воронинъ, пріѣхавшій случайно изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ по своимъ дѣламъ, въ Псковъ въ 1840 г., пожелалъ, чтобы церковь была освящена въ его присутствіи, поэтому 6 августа 1840 г. состоялось освященіе храма, но церковной утвари, облаченія и самаго священника для этой церкви въ то время еще не было. По распоряженію строительной коммиссіи, былъ временно назначенъ для отправленія требъ и церковной службы при этой церкви одинъ изъ священниковъ 2-й учебной бригады от. Щуровскій. Въ 1842 г. были высланы, по распоряженію департамента военныхъ поселеній, изъ Петербурга книги, облаченіе, церковная утварь и посуда, а въ 1844 г. купецъ Воронинъ подарилъ въ церковь бархатное облаченіе и бронзовую люстру".

„Новое же устройство церкви при псковскомъ училищѣ послѣдовало по случаю надстройки надъ всѣмъ зданіемъ 3-го этажа въ 1857 году. Такъ какъ прежній иконостасъ оказался малъ, то поэтому случаю распоряженіемъ департамента военныхъ поселеній былъ заказанъ въ Петербургѣ мастеру Гофману новый иконостасъ, который былъ постав-

ленъ въ 1858 году и принятъ отъ подрядчика, завѣдывавшаго работами, инженеръ-поручикомъ Пижеловымъ по рапорту его 22 мая 1859 г. за № 170. „Какова цѣнность этого иконостаса и образовъ“, говоритъ въ заключеніи Зеленчеевъ, „для заведенія осталось неизвѣстнымъ“.

Въ 1893 г. случайно узналъ пишущій эти строки, что иконостасъ былъ заказанъ въ Петербургѣ мастеру Гофману, а образа писалъ академикъ Алексѣевъ. Стоимость иконостаса—6 тысячъ, а образовъ среднимъ числомъ—по 100 руб. каждый, такъ что вся работа иконостаса съ постановкой стоила 10 тысячъ рублей. Изъ этого краткаго описанія исторіи возникновенія церкви при нашемъ заведеніи ясно, что храмовой праздникъ въ день Преображенія Господня 6 августа былъ избранъ только потому, что 6 августа 1836 г. была закладка, а день закладки выбирала строительная коммиссія въ зависимости отъ удобствъ строительныхъ работъ, отнюдь не имѣя въ виду цѣлей заведенія. Вслѣдствіе этого нашъ корпусъ—единственный изъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, празднующій свой праздникъ не только безъ воспитанниковъ, но почти и безъ служащихъ, которые въ это время бываютъ въ каникулярномъ отпуску. Цѣли воспитательныя требуютъ того, чтобы этотъ семейный праздникъ корпуса, оставляющій глубокій слѣдъ въ душѣ каждаго изъ воспитывающихся, былъ учрежденъ въ такой день, когда вся семья въ сборѣ. Исторія, являясь въ этомъ случаѣ на помощь, указываетъ, что 24 ноября,—день св. велик. Екатерины,—былъ бы самымъ подходящимъ днемъ для нашего праздника. Каждый воспитанникъ школы, батальона, училища, прогимназіи, гимназіи или корпуса въ г. Псковѣ долженъ благоговѣйно чтить память учредительницы—Императрицы Екатерины Великой, которая въ 1783 году повелѣла открыть гарнизонную школу въ г. Псковѣ, что и было приведено въ исполненіе по донесенію полковника Батурина въ 1796 году. 23 декабря 1798 г. послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе о переименованіи гарнизонной школы въ военносиротское отдѣленіе. Но я слишкомъ отклонился въ сторону, увлекшись описаніемъ церкви. Ради послѣдовательности, возвращусь къ 1840 г.,

въ которомъ церковь еще не была достроена. Постройка закончилась въ 1844 году. Первымъ настоятелемъ ея былъ назначенъ священникъ Арматовъ. Церковь была низкая и темная, такъ какъ оковъ на Губернаторскую улицу не было, зато надъ церковью къ сторонѣ Кутузовскаго сада была сдѣлана звонница съ колоколами.

По расформированіи Ревельскаго полубатальона, численность псковскаго удвоилась, а помѣщеніе оставалось все прежнее. Можно себѣ представить, какая, духота и міазмы царствовали въ стѣнахъ этого заведенія, которое въ 1844 при полковникѣ Маврикіѣ Карловичѣ Адлербергѣ достигло численностью состава своего до 2243 [22]) человѣкъ.

Этотъ періодъ жизни училища отмѣченъ появленіемъ въ стѣнахъ его нашего талантливаго гравера Лаврентія Авксентьевича Сѣрякова, состоявшаго прежде, въ качествѣ воспитанника, а въ 1844 г. въ званіи учителя рисованія при школѣ кантонистовъ.

На страницахъ журнала „Русская Старина" за 1881 г., въ статьѣ Н. П. Собко „Л. А. Сѣряковъ 1845—1847 г.", хорошо и подробно изложена жизнь и дѣятельность этого многострадальнаго художника, который, будучи еще воспитанникомъ школы кантонистовъ въ г. Псковѣ, высказалъ не только любовь, но и призваніе къ живописи. Нарисованный имъ портретъ Императора Николая I итальянскимъ карандашемъ и сохраняющійся до сихъ поръ въ залѣ 1-й роты псковскаго кадетскаго корпуса обратилъ на себя тогда же вниманіе начальства, которое, по окончаніи Сѣряковымъ курса въ батальонной школѣ, оставило его, какъ „выдающагося воспитанника", еще на 2 года при школѣ въ качествѣ учителя рисованія. Правомъ этимъ, согласно существовавшимъ тогда правиламъ, пользовались только завѣдомо способные воспитанники. Оставаясь въ качествѣ учителя рисованія, Сѣряковъ былъ назначенъ фельдфебелемъ съ окладомъ жалованья 12 рублей въ годъ.

Я уже упоминалъ выше, что въ 1844 году былъ назначенъ новый командиръ полубатальона, полковникъ Маврикій Карловичъ Адлербергъ. О дѣятельности этого начальни-

[22]) Годовиковъ. „Псковъ и его древности", стр. 590.

ка мало сохранилось свѣдѣній въ архивѣ заведенія. Старожилы разсказываютъ, что онъ былъ начальникъ слабый, допускавшій массу злоупотребленій и державшійся благополучно, только благодаря протекціи своего родственника, барона Корфа, пользовавшагося, какъ извѣстно, большимъ вліяніемъ во времена Императора Николая I. Численность полубатальона къ этому времени дошла, какъ я уже сказалъ, до 2243 человѣкъ. Такъ какъ зданіе не могло вмѣщать въ себѣ такую массу людей, то пришлось 3/4 батальона размѣстить въ окрестныхъ деревняхъ поротно. Такъ, были заняты деревни: Гнилище, Кресты, Бутырки, отстоящія отъ города верстахъ въ 5—6. Такое разбросанное расквартированіе совершенно парализовало надзоръ начальства и привело къ тому, что нѣкоторыя роты совсѣмъ не имѣли обмундированія, кантонисты не являлись въ училище, по невозможности выйти безъ одежды изъ отдаленныхъ деревень. Говорятъ, что въ это время до того запуталось батальонное хозяйство, что во время инспекторскаго смотра начальника 2-й учебной бригады кантонистовъ, ему показывали роты въ одной и той же мундирной одеждѣ, которую по осмотрѣ въ одной ротѣ, пересылали въ другую и къ пріѣзду начальника наскоро напяливали на воспитанниковъ, осматриваемыхъ имъ отдѣльными частями. Если такъ худо одѣвали, то кормили еще хуже, или, лучше сказать, кантонистамъ, особенно живущимъ внѣ зданія, по деревнямъ, была предоставлена полная самостоятельность въ отысканіи себѣ пищи. Воровство развилось между воспитанниками въ ужасающихъ размѣрахъ, и жители деревень, въ которыхъ, помѣщались кантонисты, просили, какъ манны небесной, чтобъ ихъ освободили отъ постоя этихъ „мародеровъ". Десять лѣтъ такого безобразія оставили глубокій слѣдъ на заведеніи, такъ что полковнику Ивану Филипповичу Фалатову, принявшему батальонъ псковскихъ кантонистовъ въ 1854 г., стоило много труда и энергіи, чтобы водворить хотя наружный порядокъ въ этомъ хаосѣ разврата, безобразія и полной разнузданности не только въ средѣ воспитанниковъ, но и самихъ воспитателей. Слѣдующіе 4 года жизни этого заведенія походили на агонію 57-лѣтняго человѣ-

ка, состарившагося подъ тяжелыми ударами судьбы, искалѣченнаго съ колыбели и испытавшаго на своемъ вѣку множество бурь и напастей. Старикъ умиралъ, разлагался заживо и, вмѣсто надгробнаго рыданія, слышалъ одни проклятія, да дикій хохотъ тѣхъ, которые были обязаны ему если не воспитаніемъ, то продленіемъ земнаго существованія.

Благая идея Великаго Преобразователя Россіи отлилась въ такую уродливую форму, что дальнѣйшее существованіе подобнаго положенія вещей сдѣлалось немыслимымъ. Содержаніе 293-хъ тысячъ солдатскихъ дѣтей уже по грандіозности этой цифры стало обременительнымъ для государства; узаконенный пріемъ незаконнорожденныхъ способствовалъ только разврату въ арміи, а воспитаніе столькихъ дѣтей представлялось дѣломъ совершенно невозможнымъ. Словомъ, требовалась коррекція.

10 іюня 1858 г. вышло Высочайше утвержденное положеніе объ училищахъ военнаго вѣдомства. Согласно этому положенію, штатъ учащихся сокращенъ, введена должность инспектора классовъ, учителя нижняго званія должны были замѣняться учителями въ классныхъ чинахъ. Завѣдываніе училищемъ оставалось за полковникомъ Филатовымъ. Готовилась коренная реформа во всемъ, но прежде, чѣмъ говорить о ней, я долженъ, для послѣдовательности, оставить Псковъ и заглянуть въ Новгородъ, гдѣ былъ тоже батальонъ кантонистовъ.

По Высочайшему повелѣнію 31 декабря 1858 года, Новгородское учебное отдѣленіе военныхъ кантонистовъ, съ состоящимъ при немъ неаранжированнымъ батальономъ учебныхъ стрѣлковъ, было переименовано въ Новгородское училище военнаго вѣдомства. Въ этомъ училищѣ было предписано оставить солдатскихъ дѣтей 10-лѣтняго возраста и все училище перевести въ Псковъ. Званіе „командира батальона“ въ здѣшнемъ заведеніи было уничтожено и, назначенный въ томъ же году, полковникъ Ермолинъ названъ уже начальникомъ училища. По этому распоряженію изъ 12 ротъ Новгородскаго батальона было выбрано въ 1-ю роту 98 человѣкъ, во 2-ю—100 чел., въ 3-ю—83 чел. и въ 4-ю—79 чел., а всего 350 человѣкъ, которые 16 августа 1859

года выступили во Псковъ съ новымъ начальникомъ во главѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ были назначены въ Псковское училище инспекторомъ классовъ надворный совѣтникъ Фурсовъ, старшій лекарь надворный совѣтникъ Сокальскій, а настоятелемъ церкви и законоучителемъ—священникъ Андрей Сенаторскій. Жизнь заведенія мало по малу вступила въ новый фазисъ, все обновлялось, старые порядки замѣнялись новыми, ротные командиры получили инструкцію по воспитательной части. Но власть была властна лишь настолько, чтобы перемѣнить названіе, духъ же заведенія стойко сохранялъ въ себѣ все то, что было привито къ нему въ теченіи предшествующаго полувѣковаго существованія.

Въ маѣ 1859 года была окончена надстройка 3-го этажа надъ главнымъ зданіемъ и пристройка боковыхъ крыльевъ, выходящихъ на Губернаторскую улицу. До этого времени зданіе было 2-хъ-этажное.

3 мая 1859 года, съ благословенія архіепископа псковскаго Евгенія, была освящена церковь наша въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась и по нынѣ. Помѣщеніе воспитанниковъ значительно увеличилось, но вмѣстить въ себѣ всю массу служащихъ и воспитанниковъ,—около шестисотъ человѣкъ,—конечно, не могло безъ ущерба дѣлу, а между тѣмъ новая инструкція для училища очень возвысила воспитательныя требованія, средствъ же къ выполненію ихъ при массѣ воспитывающихся не давала никакихъ, и самый контингентъ воспитанниковъ по своему качеству не соотвѣтствовалъ той работѣ, которая предлагалась инструкціей. Но объ этомъ скажу послѣ.

Въ ноябрѣ 1859 г. Императоръ Александръ II изволилъ посѣтить Псковъ и, между прочимъ, псковское училище военнаго вѣдомства. Произведеннымъ смотромъ Государь остался доволенъ. Въ день отъѣзда Его Величества воспитанники училища были выстроены на платформѣ желѣзной дороги, Государь благодарилъ начальника училища и на память подарилъ заведенію образъ князя Гавріила псковскаго, до сего времени хранящійся въ церкви корпуса. Очевидцы говорятъ, что образъ этотъ былъ поднесенъ Государю отъ псковскаго архіепископа, преосвященнаго Ев-

генія. Кромѣ образа, подареннаго нашему заведенію Государемъ, сохранилась на память и посуда, изъ которой Государь изволилъ отвѣдать пищу. На витринѣ, имѣющейся до сего времени, написано: „Государь Императоръ Александръ II, при осматриваніи Псковскаго училища военнаго вѣдомства 10 ноября 1859 года, изволилъ приготовленную для воспитанниковъ пищу кушать изъ сей посуды“.

Вотъ какой составъ училища былъ къ этому смотру. Отъ псковскаго полубатальона кантонистовъ оставалось 560 чел. и 350 человѣкъ было переведено изъ Новгорода—всего 910 человѣкъ, распредѣленныхъ на 8 полуротъ по 100 человѣкъ въ каждой. Изъ этихъ 920 человѣкъ 350 новгородскихъ и 149 псковскихъ кантонистовъ составили училище военнаго вѣдомства, а остальные 421 человѣкъ размѣщались по деревнямъ на прежнемъ основаніи. Начальство надъ заведеніемъ, какъ я уже говорилъ, было ввѣрено полковнику Ермолину, по прежнему было 4 ротныхъ командира, капитаны: Ходуновъ, Носковъ, Остергаузенъ и Никкалинъ, и 4 помощника ихъ, 28 учителей нижняго званія, инспекторъ классовъ надворный совѣтникъ Фурсовъ, командиръ музыкантской команды капитанъ Игнашевъ, экономъ штабсъ-капитанъ Стоцкій, казначей поручикъ Лукашевичъ, письмоводитель коллежскій секретарь Петровъ, священникъ Сенаторскій, старшій лекарь Сокальскій и младшій Юшкевичъ, кромѣ того 7 преподавателей изъ классныхъ чиновъ—всего 52 человѣка.

Не могу пройти молчаніемъ только-что упомянутую мною фамилію священника Сенаторскаго. На долю его выпала видная роль въ исторіи нашего заведенія. Я засталъ его еще въ 1881 году. Это былъ высокій, плотный старикъ съ благообразнымъ лицомъ древняго патріарха, одною внѣшностью своею внушавшій къ себѣ уваженіе. Крупныя черты лица, вырубленныя, что называется, топоромъ, сообщали ему энергичное выраженіе, а добрые сѣрые глаза, окаймленные широкой сѣдой прядою бровей, смотрѣли съ какой-то дѣтской кротостью. Онъ былъ ворчунъ ужасный, но три четверти ворчливости его было дѣломъ привычки, а одна четверть напускной строгости; всѣ это знали, не ис-

ключая воспитанниковъ, среди которыхъ онъ пользовался не только уваженіемъ, но и любовью. Онъ сильно картавилъ и букву р замѣнялъ г, поэтому первое время понять его говоръ было трудно. Уроженецъ Кіевской губерніи, онъ сохранилъ въ себѣ всѣ черты малороссійскаго характера, не исключая хитрости, но хитрости не злой, не корыстной, а той, которая только забавляется человѣкомъ, поставленнымъ ею же въ смѣшное положеніе. Природный свѣтлый умъ въ соединеніи съ тактичностью и широкимъ русскимъ добродушіемъ пополняли тѣ пробѣлы богословскаго образованія, которые въ другомъ священникѣ рѣзали бы глазъ. Сама предшествующая жизнь этого старика, выдержавшаго вмѣстѣ съ Севастопольскимъ гарнизономъ 11-мѣсячную осаду, придавала ему необыкновенное обаяніе въ средѣ юныхъ питомцевъ, которые даже природные недостатки батюшки, какъ, напримѣръ, картавость, объясняли себѣ не иначе, какъ легендарнымъ разсказомъ о плѣнѣ этого старика въ непріятельскомъ станѣ. Между воспитанниками сложилась цѣлая басня: какъ турки захватили Сенаторскаго, зарыли его по горло въ землю и въ такомъ положеніи оставили на произволъ судьбы. Это такъ подѣйствовало, будто-бы, на Сенаторскаго, что онъ, будучи выкопанъ мимо проходившимъ русскимъ солдатомъ, лишился на нѣкоторое время языка, а впослѣдствіи хотя началъ говорить, но сдѣлался косноязычнымъ. Эта легенда переходила изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе и, кажется, еслибъ самъ отецъ Андрей Сенаторскій сталъ опровергать ее, то наврядъ ли ему повѣрили бы воспитанники. Въ ихъ представленіяхъ онъ былъ не только священникъ, но герой, находившійся въ рекогносцировкѣ противъ горцевъ при Бутырскомъ полку на Кавказѣ, что было извѣстно имъ изъ приказа по училищу 22 августа 1864 года № 491.

Они любили отца Андрея за его доброту и боялись за ворчливость. Всѣ свои бѣды и неудачи съ учителями и воспитателями они несли священнику, который, выслушавъ, ихъ же журилъ, но журилъ отечески, любовно. Не меньшимъ уваженіемъ пользовался старикъ и со стороны слу-

жащихъ. Мы, военные воспитатели, только что поступившіе въ то время въ заведеніе, всегда прибѣгали къ его помощи, прося его отеческаго внушенія проштрафившемуся воспитаннику. Впрочемъ, часто въ этомъ отношеніи онъ самъ шелъ намъ на встрѣчу, узнавши впередъ отъ воспитанника о его продѣлкѣ. Въ этихъ случаяхъ отецъ Андрей былъ неоцѣнимъ. Пожуривши воспитанника, онъ и нашего брата не пропуститъ - поворчитъ бывало—„ну ужъ эти мнѣ молодые питатели: нѣтъ чтобы съ терпѣніемъ, да съ выдержкой—такъ и ломятъ съ плеча"—укоризненно говорилъ старикъ, встрѣчая воспитателя, по его мнѣнію, неправильно наказавшаго воспитанника.

Полковникъ Ермолинъ въ рапортѣ своемъ въ управленіе училищъ военнаго вѣдомства съ просьбой о назначеніи о. Андрея изъ Новгорода въ Псковъ характеризуетъ его такъ: „человѣкъ заслуженный, съ основательными познаніями въ догматахъ вѣры, съ кроткимъ характеромъ и рѣдко встрѣчаемою любовью къ дѣтямъ". Кто служилъ съ Сенаторскимъ, тотъ, вѣроятно, почти полностью признаетъ справедливость этой характеристики, данной въ 1859 г. полковникомъ Ермолинымъ.

Таковъ былъ педагогическій персоналъ псковскаго училища военнаго вѣдомства. Теперь посмотримъ, что представлялъ изъ себя контингентъ учащихся.

499 человѣкъ, предназначенные въ училище, были раздѣлены на 4 класса: приготовительный, нижній, средній и верхній. Чрезвычайно разнообразную, разношерстную массу представлялъ изъ себя контингентъ воспитывающихся. Его можно подраздѣлить на слѣдующія группы: 1) дѣти оберъ-офицеровъ, 2) солдатскія дѣти, 3) дѣти лицъ податнаго сословія, 4) свободнаго состоянія нѣмцы, 5) дворяне, 6) незаконнорожденные, 7) цыгане, 8) евреи и 9) бродяги.

Особенно много было евреевъ; по видимому, пріемъ ихъ, кромѣ общеблаготворительной цѣли, преслѣдовалъ еще цѣль политическую: обрусеніе и приведеніе ихъ въ православіе. Изъ дѣлъ видно, что выборъ на лучшія мѣста служенія, какъ-то: въ фельдшерскіе ученики, въ гравировальную школу, въ телеграфисты и т. п., не могъ выпадать на

долю евреевъ, не принявшихъ православія. Вотъ почему и въ послѣдующіе годы было такое множество евреевъ, переходящихъ въ православіе. По метрическимъ книгамъ церкви видно, что въ 1845 году было присоединено евреевъ 47 человѣкъ, въ 47 году—23 человѣка, въ 51 г.—38 человѣкъ, 1854 г.—115 человѣкъ, въ 55 г.—56 человѣкъ, въ 1856 г.—67 человѣкъ и т. д.

По какому случаю, или по какому распоряженію поступали въ училище бродяги, свѣдѣній не сохранилось, но въ спискахъ о сословномъ происхожденіи противъ фамилій воспитанниковъ попадались прописки: „бродяга". Да и самыя фамиліи воспитанниковъ достаточно ясно указывали на ихъ происхожденіе: Бродяга, Безродный, Безпрозванія, Непомнящій, Неизвѣстный и т. п. Дворянъ было очень мало, да и тѣхъ большинство составляли кадеты, переведенные за дурное поведеніе изъ корпусовъ: такъ, въ спискахъ 59 года значится кадетъ Бестужевъ.

Къ такому то сброду приходилось примѣнять инструкцію по воспитательной части и, хотя по внѣшнему виду, сдѣлать эти училища похожими на бывшіе кадетскіе корпуса. Уже въ 60 году были введены награды за успѣхи и поведеніе, а именно: записываніе на красную доску и т. п.; лучшіе же воспитанники удостоивались ношенія погонъ, а за дурное поведеніе—записывали на черную доску и надѣвали сѣрыя куртки. Въ 1859 году, повидимому, впервые праздновали храмовой праздникъ 6 августа: на дворѣ училища было устроено гулянье съ музыкой, зданіе и улица были иллюминованы. Новый начальникъ училища, полковникъ Ермолинъ, повидимому, былъ дѣльный и очень энергичный начальникъ. Чувствуя во всемъ недостатки, за исключеніемъ численнаго состава учащихся, онъ занялся самъ преобразованіемъ внѣшняго вида училища, предоставивъ въ учебномъ отношеніи полный просторъ инспектору классовъ Фурсову. Эта личность не уступала по энергіи, пониманію и благимъ желаніямъ начальнику училища: Фурсовъ былъ занятъ съ утра до ночи и, не покладая, что называется, рукъ, работалъ надъ введеніемъ новыхъ порядковъ въ училищѣ. Кромѣ того, Фурсовъ успѣвалъ приносить

пользу не только непосредственно возложенному на него службой дѣлу, но и дѣлу благотворительности. Въ 1862 г. онъ былъ назначенъ директоромъ пріюта св. Ольги и „энергично принялся за благоустройство вновь ввѣреннаго ему учрежденія, соблюдая разумную экономію въ расходахъ [23])“.

Нечего и говорить, что въ училищѣ было дѣла очень много. Сами учителя нижняго званія представляли изъ себя элементъ, требовавшій если не воспитанія, то обузданія: распутство, пьянство и грубость были самыми обыденными явленіями въ ихъ средѣ. Между тѣмъ замѣна учителей нижняго званія людьми, спеціально подготовленными для учебнаго дѣла, хотя и входила въ цѣли инструкціи, но представлялась на дѣлѣ невозможной. Петербургское училище, выславъ нѣсколько человѣкъ учителей, какъ напримѣръ, Юшкевича, Сергѣева, Кондратьева, Курочкина, въ маѣ 1862 г. увѣдомило, что не можетъ удовлетворять учителями другія училища, поэтому псковскому училищу представлялось самому озаботиться подготовкой ихъ изъ тѣхъ же учителей нижняго званія. Какъ справилось съ этимъ дѣломъ псковское училище,—свѣдѣній не имѣется, но еще долго приходилось начальству сосредоточивать свои заботы не столько на воспитаніе дѣтей, сколько на подготовку самихъ воспитателей. Учителя, имѣвшіе классные чины, получали въ годъ по 220 руб. Учителя нижняго званія дѣлились на три разряда: 1 разрядъ получалъ жалованье въ годъ 50 р., 2-й—по 33 р., а 3-й—по 25 р. Можетъ быть по тѣмъ временамъ такое содержаніе и могло быть достаточнымъ, но 220 р. въ годъ учителю, имѣвшему классный чинъ, через-чуръ умѣренно, съ этимъ каждый согласится. Немудрено, что идти на такое скудное содержаніе находилось мало охотниковъ изъ учителей, имѣвшихъ классный чинъ. Конечно, не чинъ препятствовалъ такому переходу, а сравнительно небольшое число учителей на Руси дѣйствительно подготовлявшихся къ этому званію и получившихъ право на чины, но и для нихъ перспектива окончанія курса на званіе учителя казалась весьма мало заманчивой,

[23]) Пятидесятилѣтіе 1844—1894 г. псковскаго дѣтскаго пріюта св. Ольги, стр. 11.

только отчаянная бѣдность могла прельститься должностью учителя въ школѣ и только этимъ можно объяснить себѣ, что распоряженіе о замѣнѣ учителей нижняго званія съ 1838 г. до 1866 не было приведено въ исполненіе.

Вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ и ходатайства начальства, по распоряженію псковской городской управы, было отведено училищу мѣсто въ четыре десятины на Завеличьѣ для постояннаго лагеря, гдѣ онъ и теперь находится.

Такъ проходили годъ за годомъ. Прежній составъ учителей по немногу замѣнялся новымъ. 21 января 1863 года послѣдовалъ приказъ Военнаго Министра объ учрежденіи должности главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, съ подчиненіемъ ему всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и училищъ военнаго вѣдомства.

Въ 1864 году училище отживало свои послѣдніе дни и, вдругъ, почему-то вздумалось ввести въ заведеніи судъ общества офицеровъ. Выбрали судей, посредниковъ, но этому суду ни разу не пришлось проявить своей дѣятельности,—по крайней мѣрѣ случаевъ собранія суда по приказамъ не видно; вѣроятно общество не давало къ тому поводовъ. Начальство строго относилось къ военному элементу, такъ что поручикъ Казинъ за ношеніе длинныхъ волосъ былъ арестованъ на 7 сутокъ на хлѣбѣ и водѣ. Въ слѣдующемъ году училище начало мало по малу терять своихъ лучшихъ дѣятелей: въ іюнѣ инспекторъ классовъ Фурсовъ получилъ мѣсто директора Шавельской гимназіи, а на его мѣсто былъ назначенъ надворный совѣтникъ Скандовскій. Чрезъ годъ и полковника Ермолина замѣнилъ полковникъ Гаринъ. Старшій врачъ стат. сов. Сокольскій уволенъ въ отставку, а его мѣсто занялъ надворный совѣтникъ Гомолицкій. Нечего и говорить о прочемъ педагогическомъ составѣ, который перемѣнился почти весь.

Съ 1866 г. начался опять кипучій періодъ въ дѣятельности заведенія. Въ августѣ полковникъ Гаринъ получилъ распоряженіе, чтобы псковскому училищу военнаго вѣдомства „теперь же (т. е. съ августа 1866 г.) присту-

пить къ преобразованію въ военно-начальную школу, примѣняясь къ проэктамъ будущихъ военно-начальныхъ школъ" [24]).

Повидимому, это распоряженіе ударило, какъ обухъ въ голову, полковника Гарина. Въ приказѣ по заведенію, написанномъ имъ лично, говорилось, что согласно проекта о военно-начальныхъ школахъ все заведеніе будетъ раздѣлено на 4 возраста, въ каждомъ по 4 отдѣленія, а въ каждомъ отдѣленіи по 25 человѣкъ воспитанниковъ. Для начала приказано сформировать 4-й самый младшій возрастъ изъ 6 отдѣленій, причемъ какъ нравственный, такъ и физическій надзоръ за воспитанниками отдѣленія былъ возложенъ на отвѣтственность воспитателей: „ни ротный командиръ, ни его помощники не имѣли права накладывать взысканія на провинившагося воспитанника, а всецѣло предоставлять это дѣло воспитателю". Для наблюденія за воспитанниками назначался ежедневно дежурный воспитатель. Вслѣдствіе этого распоряженія воспитателями въ 6 отдѣленіяхъ 4 возраста были назначены: Ивановъ, Евсѣевъ, Парфеновъ, Іевлевъ, Александровъ и Гончаровъ. Прочія роты, говорилось въ приказѣ, „предполагалось переформировывать постепенно, по мѣрѣ окончанія курса воспитанниками старшихъ классовъ". Объявивъ такой приказъ, полковникъ Гаринъ, повидимому, самъ задумался надъ степенью исполнимости подобной реформы, и потому дѣлаетъ такое распоряженіе: „поименованные выше учителя-воспитатели подчинются, кромѣ начальника училища и инспектора классовъ, еще ротнымъ командирамъ и дежурному офицеру". Что сомнѣніе было не напрасное, подтверждаетъ приказъ, объявленный тѣмъ же полковникомъ Гаринымъ въ 1866 г.: „Неоднократно было замѣчено мной, что нѣкоторые изъ г.г. воспитателей, вступившихъ въ эту обязанность по моему назначенію, весьма легко стали смотрѣть на отношенія свои ко всѣмъ старшимъ ихъ по службѣ и лѣтамъ сослуживцамъ, какъ равно и на добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, а потому объявляю всѣмъ, до кого это можетъ

[24]) Приказъ по училищу 1866 г. № 470.

относиться, что на будущее время, всякая неприличная выходка и каждое незаконное заявленіе кому бы то ни было повлечетъ за собой примѣрное взысканіе, такъ какъ испытанныя по сіе время кроткія и гуманныя мѣры оказались, къ крайнему моему сожалѣнію, не приносящими никакой пользы". Затѣмъ въ послѣдующихъ приказахъ полковника Гарина неоднократно предписывается дежурнымъ офицерамъ и ротнымъ командирамъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы каждое приказаніе или распоряженіе неукоснительно исполнялось учителями-воспитателями.

Вотъ при какихъ ненормальныхъ условіяхъ вводилась въ этомъ заведеніи реформа военно-начальныхъ школъ: все военное было въ загонѣ у высшаго начальства, которое его только терпѣло, но пользовалось довѣріемъ начальства ближайшаго; всѣ же, отъ кого высшее начальство ждало обновленія, были въ загонѣ у начальства мѣстнаго и въ свою очередь его довѣріемъ не пользовались.

Немудрено поэтому, что начальнику заведенія приходилось затрачивать массу труда и энергіи, чтобы приводить въ исполненіе такую реформу, не обладая къ выполненію ея никакими средствами. Новый проектъ требовалъ отъ учителя нижняго званія, а другихъ въ этомъ періодѣ не было, чего то недостижимаго, чтобы онъ былъ не только учителемъ, но и воспитателемъ въ полномъ значеніи этого слова: чтобы они поняли инструкцію по воспитательной части, чтобы они гуманно относились къ дѣтямъ, чтобы руководили ихъ нравственнымъ воспитаніемъ. Каждый изъ воспитателей долженъ былъ изучить нравственную и физическую природу ввѣренныхъ ему воспитанниковъ и оцѣнивать поведеніе каждаго изъ нихъ баллами по установленной тогда 5-ти-бальной системѣ; причемъ значеніе этого балла для воспитанниковъ было гораздо большее, чѣмъ въ настоящее время. Баллъ за поведеніе складывался со среднимъ балломъ за успѣхи и средняя ариѳметическая—изъ этихъ двухъ балловъ представляла собой отмѣтку, на основаніи которой переводили воспитантанниковъ изъ класса въ классъ, или признавали ихъ негодными къ дальнѣйшему продолженію курса. Задавая эту непосильную задачу воспитанія прежнимъ учителямъ нижняго

званія, Главное управленіе сомнѣвалось даже въ способности ихъ быть преподавателями, такъ какъ въ маѣ 1867 года, предписывая закрыть пріемъ учителей нижняго званія въ школы, предлагало состоящимъ на службѣ учителямъ, если они желаютъ продолжать службу, держать экзаменъ на званіе учителя при уѣздномъ училищѣ, или представить свидѣтельства изъ учительскихъ семинарій. Подобная мѣра могла немного возвысить научный цензъ этихъ преподавателей, но воспитаніе оставалось все то же, какое получали и сами воспитатели въ бывшей школѣ кантонистовъ. Въ концѣ 1867 г. начальникомъ школы былъ назначенъ полковникъ Попелло-Давыдовъ, а инспекторомъ классовъ—надворный совѣтникъ Голубиновъ. На ихъ долю выпало введеніе цѣлаго ряда мѣропріятій въ заведеніи, только что подвергшемся коренной реформѣ.

Изъ наличнаго числа воспитанниковъ 64 человѣка, „не подававшихъ надежду къ успѣшному окончанію курса", были переведены въ писарской классъ.

Оставшіеся воспитанники, въ числѣ 400 человѣкъ, были раздѣлены на 4 возраста: 4-й возрастъ состоялъ изъ 2-хъ отдѣленій самаго старшаго 4-го класса и одного отдѣленія II класса, 3-й возрастъ—изъ 3-хъ отдѣленій III класса и I отдѣленія 1-го класса, 2-й возрастъ—изъ четырехъ отдѣленій II класса и 1-й возрастъ—изъ четырехъ отдѣленій I класса. Только заботами объ удобствѣ размѣщенія въ зданіи возможно объяснить себѣ такое неудачное распредѣленіе по возрастамъ, гдѣ IV классъ смѣшивается со II, III съ I и т. п. Нельзя предположить, чтобы такое смѣшеніе не имѣло пагубнаго значенія для воспитательнаго дѣла, что, конечно, вполнѣ понималъ такой опытный педагогъ, какъ полковникъ Попелло-Давыдовъ.

Новымъ учителямъ-воспитателямъ былъ увеличенъ окладъ содержанія и потому прекращенъ въ то же время отпускъ продовольствія отъ стола воспитанниковъ, какъ было прежде. Военный элементъ воспитателей окончательно былъ изъятъ изъ школы отчасти переводомъ въ войска, отчасти же увольненіемъ въ отставку. Въ школѣ были введены танцы, хоровое пѣніе, переплетное

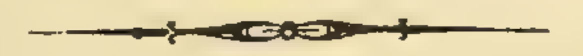
и столярное мастерства, для желающихъ и уроки стенографіи. Въ октябрѣ 1866 г., вмѣсто трехъ часовъ классныхъ занятій, назначено четыре; затѣмъ введены журналы дежурствъ по возрастамъ для ежедневныхъ записей всего, что представляла жизнь воспитанниковъ интереснаго въ психологическомъ отношеніи. Наконецъ, 17 іюля 1868 года, приказомъ по военному вѣдомству Псковская школа переименована въ военную прогимназію, съ цѣлью подготовлять молодыхъ людей для поступленія въ окружныя юнкерскія училища, только что открытыя въ то время. Вслѣдствіе этого значительная часть воспитанниковъ, не подававшихъ надежды къ успѣшному окончанію курса, была переведена въ школу, учрежденную въ то же время при Псковскомъ губернскомъ батальонѣ, а такъ какъ въ 1868 году пріема въ прогимназію не было, то къ началу учебнаго курса оказался большой некомплектъ воспитанниковъ. За этотъ недолгій періодъ инспекторъ классовъ, надворный совѣтникъ, Голубиновъ замѣненъ въ декабрѣ 1867 г. полковникомъ Цытовичемъ, а такъ какъ въ январѣ 69 года послѣдній получилъ мѣсто начальника С.-Петербургской военно-фельдшерской школы, то на его мѣсто былъ назначенъ инспекторомъ классовъ капитанъ Острогорскій.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все то, что постепенно произошло въ стѣнахъ этого заведенія за время начальства надъ нимъ полковника Попелло-Давыдова.

Всѣ, кто зналъ полковника Попелло-Давыдова, единогласно утверждаютъ, что онъ—человѣкъ безпримѣрной энергіи, самъ входилъ во всѣ подробности воспитательнаго дѣла: здѣсь онъ учитъ воспитателя, тамъ—воспитанника; въ самые критическіе моменты, безъ всякаго зова, являлся на помощь воспитателю въ возрастѣ; въ классѣ бывалъ наставникомъ и руководящимъ преподавателей. Разсказываютъ, что какъ служащіе, такъ и воспитанники съ трепетомъ относились къ своему начальнику, хотя отлично сознавали его прямое, честное и справедливое отношеніе къ дѣлу. Словомъ, по разсказамъ очевидцевъ, время начальства полковника Попелло-Давыдова признается золотымъ вѣкомъ въ исторіи этого заведенія: порядокъ, чистота, полное

благоустройство въ хозяйственномъ отношеніи и значительный подъемъ воспитательниго и учебнаго дѣла,—всѣми признаваемая характеристика этого періода. Въ 1871 году прогимназія лишилась полковника Попелло-Давыдова, назначеннаго директоромъ 1-й Московской военной гимназіи, а на мѣсто его прибылъ полковникъ Левковецъ. Въ этомъ же году назначенъ новый инспекторъ классовъ, подполковникъ Андреевъ. Этотъ періодъ, равно какъ и послѣдующій за нимъ періодъ директорства полковника Пышенкова, назначеннаго на эту должность въ іюлѣ 1876 года, ничѣмъ особеннымъ не проявилъ себя въ жизни заведенія. Напряженная работа предшествовавшихъ лѣтъ притупила энергію дѣятелей—они вошли въ колею и нужно было что-нибудь экстраординарное, чтобы заставить ихъ протаптывать новые пути. Наконецъ, 13 іюля 1867 года, послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе Военнаго Совѣта о переформированіи Псковской военной прогимназіи въ Псковскую военную гимназію. Полковнику Пышенкову и коллежскому совѣтнику Андрееву, назначенному на должность инспектора классовъ въ 1875 году, привелось вводить новую реформу. Снова повторилось то же самое, что было 1869 г. Реформа вводилась постепенно, по мѣрѣ окончанія курса старшими классами. Въ 1876 г. былъ первый пріемъ воспитанниковъ въ военную гимназію въ 1-й и 2-ой классы. Въ октябрѣ 1879—80 учебнаго года послѣдовало распоряженіе о закрытіи военно-прогимназическихъ курсовъ, а въ 1882 г. былъ первый выпускъ въ военныя училища воспитанниковъ, окончившихъ семилѣтній полный курсъ образованія. Съ 1882 года военныя гимназіи, по прежнему переименованы въ кадетскіе корпуса, а названіе возрастовъ замѣнено ротами, почему и Псковская военная гимназія съ этого времени начала именоваться: Псковскій Кадетскій Корпусъ.

Ф. А. Ушаковъ.

Приложеніе къ статьѣ: «Матеріалы для исторіи Псковскаго Кадетскаго Корпуса».

Свѣдѣнія о постепенномъ расширеніи, и новыхъ постройкахъ въ зданіяхъ Псковскаго кадетскаго корпуса съ 1796 по 1896 годъ.

Главное зданіе Псковскаго кадетскаго корпуса было построено для присутственныхъ мѣстъ въ 1796 году [1]). Въ немъ помѣщались: палаты гражданскаго и уголовнаго суда, намѣстническое правленіе, городской магистратъ, губернскій архивъ и чертежная. Въ 1812 году часть его была отдана подъ военный госпиталь. Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій госпиталь оказался ненужнымъ, поэтому въ 1824 году въ него помѣстили Псковское военно-сиротское отдѣленіе [2]). Зданіе

План№ 1. Л. А. { представляло собою въ то время двухъэтажное строеніе, вытянутое въ одну линію въ $60^1/_2$ саж. длиной и почти 9 саж. шириной.

Сколько было израсходовано денегъ на постройку, неизвѣстно, но изъ журналовъ Псковскаго намѣстничества за 1796 г. видно, что постройка его производилась съ подряда, а въ качествѣ рабочихъ разрѣшено было брать колодниковъ изъ Псковскаго острога. Въ томъ же журналѣ указано, что расходы по возведенію этого зданія должны быть отнесены на сумму въ 20 т. рублей, имѣвшую-

---

[1]) Журналъ Псковскаго намѣстническаго правленія 17 авг. 1779 г.

ся въ распоряженіи мѣстнаго начальства, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II, „для строенія г. Пскова“.

Въ 1827 году зданіе находилось на площади, причемъ отъ параднаго подъѣзда до

Планъ Д.

Ивановской улицы во всю длину зданія была сдѣлана деревянная мостовая [2]). Вмѣстѣ съ

Планъ № 6. Лит. А.

симъ зданіемъ Отдѣленіемъ былъ полученъ и теперешній прачешный дворъ. На дворѣ имѣлось небольшое каменное зданіе (бывшій городской магистратъ, нынѣ уже не существующій) и ка-

Планъ № 7. № 7 а.

менный одно-этажный флигель, выходившій на полицейскую улицу, а около флигеля каменный сарай и конюшни. Эти зданія цѣлы до сего времени, за исключеніемъ магистрата. Дворъ при нихъ составлялъ единственственное складочное мѣсто для дровъ.

Въ 1830 году Псковскій полубатальонъ

Планъ № 8. Лит. А.

военныхъ кантонистовъ занялъ подъ складъ негодныхъ вещей такъ называемый Покровскій винный подвалъ, состоявшій въ вѣдѣніи Псковскаго виннаго пристава. Спустя 21 годъ, т. е. 24 сент. 1851 года, послѣдовало оффиціальное разрѣшеніе Министра Финансовъ передать подвалъ въ пользованіе полубатальона, но съ обязательствомъ содержать его въ порядкѣ и ремонтировать на счетъ заведенія или купить въ полную собственность за 400 р. Въ 1861 г. Псковская казенная палата, въ вѣдѣніе которой перешелъ этотъ подвалъ послѣ уничтоженія откуповъ, возбудила вновь вопросъ объ этомъ зданіи. По случаю ремонта присутственныхъ мѣстъ, палатѣ понадобилось зданіе для помѣщенія архива. Имѣя въ виду, что упомянутый под-

[2]) Предписаніе Рижскаго генералъ-губернатора, дѣло № 2—1824 г. № 1353. Донесеніе полиціймейстера о сдачѣ помѣщенія поручику Корбуту, дѣло № 2—25 мая № 222.

валъ находился во временномъ пользованіи полубатальона, палата потребовала его возвращенія. Начальство училища въ іюнѣ 1861 г. [3]) вошло съ ходатайствомъ въ управленіе училищъ военнаго вѣдомства объ уступкѣ училищу подвала или безвозмездно, или же за 400 руб., какъ это было предположено еще въ 1851 г. Какая резолюція послѣдовала со стороны Министра Финансовъ неизвѣстно, но, судя по тому, что подвалъ до сего времени остается въ вѣдѣніи Псковскаго кадетскаго корпуса, надо полагать, что отвѣтъ былъ благопріятный.

Въ 1835 году Псковскій полубатальонъ, испытывая крайнюю надобность въ расширеніи помѣщеній какъ для воспитанниковъ, такъ и для служащихъ, вошелъ съ ходатайствомъ въ Управленіе военныхъ поселеній объ отпускѣ денегъ на покупку послѣднимъ сосѣднихъ домовъ и двороваго мѣста, принадлежащихъ Приказу общественнаго призрѣнія. Въ одномъ изъ этихъ домовъ, а именно, въ одноэтажномъ (нынѣ 2-хъ-этажный флигель № 3, для помѣщенія прислуги), каменномъ домѣ—помѣщалась когда-то губернская чертежная, а впослѣдствіи главное народное училище. При домѣ былъ одноэтажный каменный флигель (нынѣ флигель № 2), выходящій на Губернаторскую улицу, и другой тоже каменный, небольшой, одноэтажный флигель, выходившій на Ивановскую улицу (уничтоженное строеніе для высушиванія бѣлья) и каменный сарай. Вмѣстѣ съ домомъ пріобрѣтено дворое мѣсто въ 605 и $^1/_{8/9}$ дол. кв. саж.—все за 16 т. руб. [4]).

План
№№ 2, 3, 4 и 5.

Планъ Г.

Въ 1836 г. былъ установленъ оптическій

[3]) Рапортъ начальника училища отъ 28 іюля 1861 г. за № 2600.
[4]) Купчая крѣпость отъ 10 іюля 1835 г. № 47.

телеграфъ на главномъ зданіи полубатальона, причемъ вышка телеграфа находилась на концѣ зданія, обращенномъ къ Сергіевской улицѣ. Въ томъ же году на средства купца Во-
План № 1. ронина, пожертвовавшаго полубатальону 18
Лит. Ц. тыс. руб., было приступлено къ устройству домовой церкви въ срединѣ зданія, въ среднемъ этажѣ. Постройка эта была окончена въ 1843 г., а въ 1856 году, при надстройкѣ третьяго этажа надъ главнымъ зданіемъ, церковь вновь перестроена въ два свѣта, причемъ работа и постановка новаго иконостаса стоила 10 т. руб.

Планъ В. В. Въ 1854 году выстроены двухъ-этажныя крылья, обращенныя на Ивановскую улицу.

Въ 1856 г. были произведены слѣдующія капитальныя работы, а именно:

1) надъ всѣмъ главнымъ зданіемъ надстроенъ 3-й этажъ;

Планъ Е. Е. 2) выстроены крылья въ 3 этажа, выходящія на Губернаторскую улицу;

Планъ 3. 3) при крыльяхъ этихъ пристроены особые четырехъугольные выступы для помѣщенія отхожихъ мѣстъ (нынѣ чистильныя комнаты);

Планъ № 6. 4) построенъ каменный, двухъ-этажный флигель по Ивановской улицѣ, на бывшемъ дровяномъ дворѣ, въ видѣ буквы Г для бани и прачешной, и

5) телеграфная вышка выстроена надъ третьимъ этажемъ и съ прежняго мѣста перенесена на конецъ лѣваго крыла, выходящаго на Ивановскую улицу. Вышка эта имѣла квадратное основаніе по 3 сажени съ каждой стороны и 10 арш. высоты. Каменная лѣстница, служившая выходомъ для воспитанниковъ на плацъ (нынѣ лѣстница, ведущая изъ квартиры директора во 2-й и 3-й

этажи), представляла собой входъ на вышку, во второмъ этажѣ которой находился кабинетъ начальника училища.

Всѣ эти работы производились особой строительной коммиссіей, строившей, по Высочайшему повелѣнію, такъ называемыя зданія полковыхъ штабовъ. Стоимость работъ составляла 180 т. руб.*).

Работы были окончены 1859 году.

Въ 1860 году неизвѣстно, по чьему распоряженію и разрѣшенію, училище устроило за городской стѣной, въ значительномъ отъ нея разстояніи, въ одномъ изъ крѣпостныхъ бастіоновъ, находившемся противъ такъ называемаго Михайлова двора, ледникъ и погребъ для храненія продуктовъ. Эти службы, по претензіи Псковской городской управы, уничтожены лишь въ 1872 году.

Въ 1861 г., по распоряженію городскаго управленія, было отведено подъ лагерное помѣщеніе училища 3 десятины земли на Завеличьѣ. Такъ какъ отведенный участокъ былъ очень малъ, то въ концѣ того же года училище просило о дополнительномъ отводѣ земли къ нарѣзанному уже участку. Въ слѣдующемъ году, по указу Псковскаго губернскаго правленія отъ 3 ноября, было предписано губернскому землемѣру „безотлагательно нарѣзать для лагеря Псковскаго училища военнаго вѣдомства къ тремъ десятинамъ, отведеннымъ въ прошломъ 1861 году, еще одну десятину", что и было исполнено въ ноябрѣ 1862 года. Земля эта, въ количествѣ 4 десятинъ, была отведена училищу на слѣдующихъ условіяхъ: городовое управленіе, имѣя въ виду, что 3 десятины, отведенныя въ 1861 г., составляли оброчную статью города, приносившую

*) Годовиковъ «Псковъ и его древности» стр. 611.

доходъ, постановило за каждую изъ 3-хъ десятинъ взимать въ городскія суммы по 8 р., а за 3 десятины—24 р. въ годъ. Губернское правленіе, находя требованіе городскаго управленія уважительнымъ, разрѣшило уплату относить на суммы земскаго сбора, изъ котораго удовлетворялись, обыкновенно, всѣ квартирныя повинности для войска. Много лѣтъ прошло послѣ этого постановленія, а никто не думалъ объ уплатѣ денегъ городу за отведенную имъ землю. Недоимка по городскимъ отчетамъ накоплялась года отъ году и наконецъ чрезъ 11 лѣтъ, когда она достигла суммы въ 288 р., городская управа въ 1872 г. потребовала уплаты этихъ денегъ училищемъ, но съ тѣмъ, чтобы послѣ этого за пользованіе землею никакихъ денегъ ни отъ кого не просить. Военный совѣтъ, въ виду такихъ условій, призналъ возможнымъ разрѣшить училищу уплатить въ суммы города 288 р., съ отнесеніемъ расхода на хозяйственныя деньги училища отъ некомплекта воспитанниковъ. [6]).

Въ 1870 г. былъ представленъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній проектъ начальника военно-начальной школы объ устройствѣ при заведеніи паровой прачешной, но разрѣшенія на устройство не послѣдовало.

Въ 1871 году Псковская городская управа, заявляя, что „бастіоны укрѣпленій составляютъ арендную статью города", потребовало, чтобы Псковская военно-начальная школа очистила бастіонъ, занятый подъ погреба и ледникъ. Между тѣмъ, школа настолько нуждалась въ помѣщеніяхъ для храненія овощей, въ дворовыхъ мѣстахъ и въ кварти-

[6]) Журналъ Военнаго Совѣта 1872 г. (въ октябрѣ).

рахъ для служащихъ, что вынуждена была арендовать у г-жи Шафратъ на Полицейской улицѣ два деревянныхъ флигеля и пустопорожнее мѣсто съ прудомъ для склада дровъ. Лишившись погребовъ и ледника, начальство школы въ 1871 г. вошло съ ходатайствомъ въ Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній о разрѣшеніи отпуска денегъ на покупку домовъ и двороваго мѣста отъ Шафратъ. Военный совѣтъ, находя выгодными условія, предложенныя Шафратъ, 29 января 1872 г. постановилъ: отпустить школѣ 3 тыс. руб. на пріобрѣтеніе названнаго выше имущества. По купчей крѣпости школа пріобрѣла за 3 т. руб. два деревянныхъ дома и 1 десятину и 466 саж двороваго мѣста [7]. Кромѣ упомянутаго отпуска денегъ, школа получила въ 1871 г. слѣдующія суммы на производство капитальныхъ работъ:

Планъ № 9 и 11. Лит. М.

1) 8475 руб. 37 к.—на приспособленіе главнаго зданія для болѣе удобнаго помѣщенія служащихъ и воспитанниковъ;

2) 1364 р. 54 к.—на устройство лѣстницы и приспособленіе флигеля № 2 подъ воспитательскія квартиры;

3) 1112 р. 98 к.—на приспособленіе помѣщенія теперешней канцеляріи и квартиры № 2 подъ лазаретъ;

Планъ Н.

4) 4270 р. 70 к.—на устройство новыхъ каменныхъ отхожихъ мѣстъ (луфтъ клозетовъ), при каменныхъ же пристройкахъ, возведенныхъ еще въ 1858 году, и

5) 1510 р. 12 к.—на устройство водопроводовъ и ватеръ-клозетовъ въ квартирѣ директора и инспектора классовъ.

А всего по всѣмъ статьямъ получено

[7]) Купчая крѣпость 1872 г марта 9 дня № 335.

школою на капитальныя работы въ 1871 г. 19733 р. 17 к.

Въ 1872 г. произведены слѣдующія постройки:

1) заборъ вокругъ лагеря, стоимостью въ 435 руб. 53 коп., и

2) лагерныя постройки, а именно 5 бараковъ для воспитанниковъ, баракъ для комитета (уничтоженный 2 года тому назадъ), куня, сторожка, сарай и 2 отхожихъ мѣста. На всѣ эти работы было отпущено 5000 р.

Въ 1873 г. отпущено еще 1000 р. на баракъ для директора прогимназіи и на конюшни въ лагеряхъ. Въ томъ же году былъ представленъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній проектъ постройки каменнаго одноэтажнаго флигеля для 4 воспитательскихъ квартиръ стоимостью въ 12000 р.

Проектъ этотъ остался безъ утвержденія, но въ томъ же году отпущено 2603 р. 70 коп. на приспособленіе и ремонтъ домовъ Шафратъ для той же цѣли.

План № 9 и 11.

Въ 1874 г. отпущено 1339 р. 54 коп., на эти деньги произведены слѣдующія работы:

1) устроены каменныя выгребныя ямы при новыхъ отхожихъ мѣстахъ и

2) перенесена баня изъ одноэтажнаго флигеля № 7—въ строеніе № 6.

Въ 1875 г. построенъ лазаретный баракъ въ лагеряхъ, стоимостью въ 1000 руб.

Въ прачешной поставлена вентилляціонная труба, новые котлы, а верхній этажъ надъ прачешной приспособленъ для зимняго сушила.

Въ 1876 г. были отпущены слѣдующія суммы на ремонтъ:

1) 330 р.—на устройство и постановку золоченаго креста на церкви;

2) 4067 р. 60 к.—на замѣну деревянныхъ половъ въ помѣщеніяхъ нижняго этажа главнаго зданія асфальтовыми;

3) 2200 р.—на замѣну 33 оконныхъ переплетовъ въ среднемъ и верхнимъ этажахъ главнаго зданія (въ залахъ теперешней 1 ,2,3 ротъ);

Планъ № 18. 4) 3166 р. 96 к.—на устройство колодца съ фильтромъ по срединѣ двора главнаго зданія;

5) 2095 р. 32 к.—на штукатурку наружныхъ и внутреннихъ стѣнъ новыхъ отхожихъ мѣстъ;

Планъ № 18. 6) 4940 р.—на устройство деревяннаго домика надъ колодцемъ, проведеніе по зданію сѣти водопроводныхъ трубъ, постановку двухъ баковъ для воды и 2-хъ насосовъ для накачиванія воды въ эти баки.

Въ 1879 г. были предположены слѣдующія постройки:

1) приспособленіе теперешняго цейхгауза и части канцеляріи подъ 2 квартиры для воспитателей;

2) приспособленіе теперешняго кабинета инспектора классовъ и карцеровъ подъ квартиры для воспитателя;

3) приспособленіе части теперешней гимнастической залы и мастерской подъ лазаретъ.

На выполненіе ихъ былъ открытъ военной гимназіи кредитъ въ 3600 р.

Въ 1882 г. были разрѣшены 5500 руб. на замѣну ветхаго досчатаго пола въ залѣ 4 возраста (нынѣ 4 рота) паркетнымъ и перемѣна 11 оконныхъ зимнихъ и лѣтнихъ переплетовъ въ спальнѣ того же возраста. Работы эти были выполнены въ 1884 г.

Въ 1885 г. былъ открытъ корпусу кредитъ въ 10314 р. 51 к. для проведенія воды изъ городскаго водопровода, расширеніе водопроводной сѣти по главному зданію, устройство

сточныхъ трубъ и приспособленіе части теперешней библіотеки подъ квартиру помощника инспектора классовъ.

Въ 1886 г. былъ открытъ кредитъ въ 2748 р. 62 к. для замѣны ветхихъ закладныхъ рамъ, а также зимнихъ и лѣтнихъ оконныхъ переплетовъ въ главномъ зданіи и во флигелѣ № 2.

Въ 1887 г. были разрѣшены работы по настилкѣ паркетовъ въ залахъ въ 3-хъ ротъ взамѣнъ ветхихъ досчатыхъ половъ и устройство деревяннаго тамбура у параднаго входа. На производство работъ было израсходовано 6059 р. 35 к. Въ 1889 г. было ас-

План № 12. сигновано на устройство деревяннаго ледника (нынѣ конюшни) 5034 р. 65 к.

Въ 1891 г. было ассигновано 4117 р. 89 к. Въ 1892, 1893 и 1894 гг. разрѣшены слѣдующія работы:

Планъ № 14. 1) постройка каменнаго флигеля для служащихъ на 26 квартиръ, на 177159 руб. 90 коп.;

2) постройка каменнаго 2-хъ-этажнаго флигеля для лазарета на сумму 50734 р. 21 к.;

3) Расширеніе помѣщенія для кадетъ, на 15909 руб. 70 коп.;

4) расширеніе сѣти водопроводовъ въ главномъ зданіи, на 799 р. 99 к.;

5) перестилка досчатыхъ половъ въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ нижняго этажа главнаго зданія, на 6869 р. 35 к.;

6) перестилка паркетныхъ половъ въ залахъ 3-го этажа и въ залахъ и спальняхъ 2-го этажа, на сумму 9487 р. 49 к.;

7) замѣна деревянной ветхой крыши на зданіи № 8 желѣзною, на сумму 2310 р.;

8) устройство водопровода въ зданіи офицерскаго флигеля, на сумму 10971 р. 99 к.;

План № 15. 9) постройка 2-хъ-этажнаго каменнаго флигеля для прислуги въ 24 квартиры, на сумму 19038 р. 5 к.;

10) устройство заборовъ, тротуаровъ, сточныхъ трубъ и садовъ, на сумму 18199 р. 78 к.;

План № 17. 11) устройство отхожихъ мѣстъ для прислуги, на сумму 3408 р. 83 к.;

12) приспособленіе строеній за № 4 и 12: перваго подъ кладовыя и ледники и втораго подъ конюшни, на сумму 9902 р. 40 к.;

План № 16. 13) устройство ледника при офицерскомъ флигелѣ, на сумму 4140 р. 35 к.:

14) устройство механической прачешной на сумму 14341 р. 64 к.

А всего за три послѣдніе годы ассигновано корпусу на капитальныя работы 343278 руб. 63 коп.

Такимъ образомъ, кромѣ зданій, полученныхъ нашимъ заведеніемъ въ первоначальномъ ихъ видѣ съ 1796 по 1896 гг., произведено крупныхъ затратъ на приспособленіе старыхъ построекъ и возведеніе новыхъ зданій, на 643,225 р. 63 к.

ВѢДОМОСТЬ

о денежныхъ отпускахъ, полученныхъ заведеніемъ на ремонты и капитальныя работы съ 1827 по 1895 гг.

ГОДЪ.	Руб.	Коп.	ГОДЪ.	Руб.	Коп.
1835	16000	—	1879	3600	—
1836	18000	—	1882	5500	—
съ 1856—1859	18000	—	1885	10314	51
1870	3000	—	1886	2748	62
1871	19733	17	1887	6059	35
1872	5435	23	1888	„	„
1873	3603	70	1889	5034	65
1874	„	„	1890	„	„
1875	„	„	1891	4117	89
1876	16799	88	1892—1895	343278	63
			Всего	643225—63	

На эти суммы Псковскій кадетскій корпусъ въ 1896 году имѣетъ:

1) главное зданіе въ 3 этажа № 1, занимающее поверхность въ 1389 кв. саж.

2) Лазаретъ двухъ-этажный . . № 5—156 кв. саж.

3) Каменный двухъ-этажный флигель	№ 2—	88 кв. саж.
4) Каменный двухъ-этажный флигель	№ 3—	88 „ „
5) Каменный одно-этажный сарай.	№ 4—	72 „ „
6) Каменный двухъ-этажный флигель	№ 6—	104 „ „
7) Каменный одно-этажный флигель и при немъ сарай	№ 7—	92 „ „
8) Каменный подвалъ . . .	№ 8—	75 „ „
9) Каменный флигель въ 4 этажа для служащихъ	№ 14—	338 „ „
10) Каменный двухъ-этажный флигель для прислуги , . . .	№ 15—	72 „ „
11) Два каменныхъ отхожихъ мѣста для прислуги	№ 17—	28 „ „
12) Деревянный флигель для прислуги.	№ 9—	30 „ „
13) Деревянный флигель . .	№ 10—	55 „ „
14) Деревянная конюшня съ сараемъ	№ 12—	70 „ „
15) Деревянный ледникъ . .	№ 16—	81 „ „

Итого подъ постройками . 2,734 кв. саж.

Подъ садами:

По Ивановской улицѣ . . .	700 кв. саж.
По Сергіевской — . . .	1489 „ „
При новомъ флигелѣ . . .	815 „ „
Итого .	3004 „ „

Подъ дворами:

По Губернаторской улицѣ плацъ .	1127 „ „
На лазаретномъ дворѣ . . .	655 „ „
На прачешномъ дворѣ . . .	149 „ „

При новомъ флигелѣ . . .	1330,5	кв.	саж.
На дровяномъ дворѣ . . .	689,5	„	„
Итого .	3,951	кв.	саж.

Все мѣсто корпуса составляетъ .	9,689	кв.	саж.
и въ лагеряхъ	9,600	„	„
Итого .	19,289	кв.	саж.

Ф. А. Ушаковъ.

1895 года, Іюня 3 дня.

г. Псковъ.

2007111483